

18+

Валера Жен

СВЕТ
НЕБЕСНЫЙ
|

Радан

Валера Жен
Свет небесный

«Издательские решения»

Жен В.

Свет небесный / В. Жен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989918-7

Начинающий журналист, в недавнем прошлом автор неудавшихся детективов, получает от редакции областной газеты щекотливое задание с целью поднять рейтинг газеты. Одержимость и нетрадиционное мышление молодого человека преподносят ряд неожиданных сюрпризов, позволяют ему открыть героические страницы из биографий, казалось бы, ничем не примечательных в повседневной жизни людей. Наизнанку выворачиваются психология и поступки тех, с кем вынужден общаться журналист.

ISBN 978-5-44-989918-7

© Жен В.

© Издательские решения

Содержание

почтовое отделение	8
I	11
II	28
III	41
IV	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Свет небесный

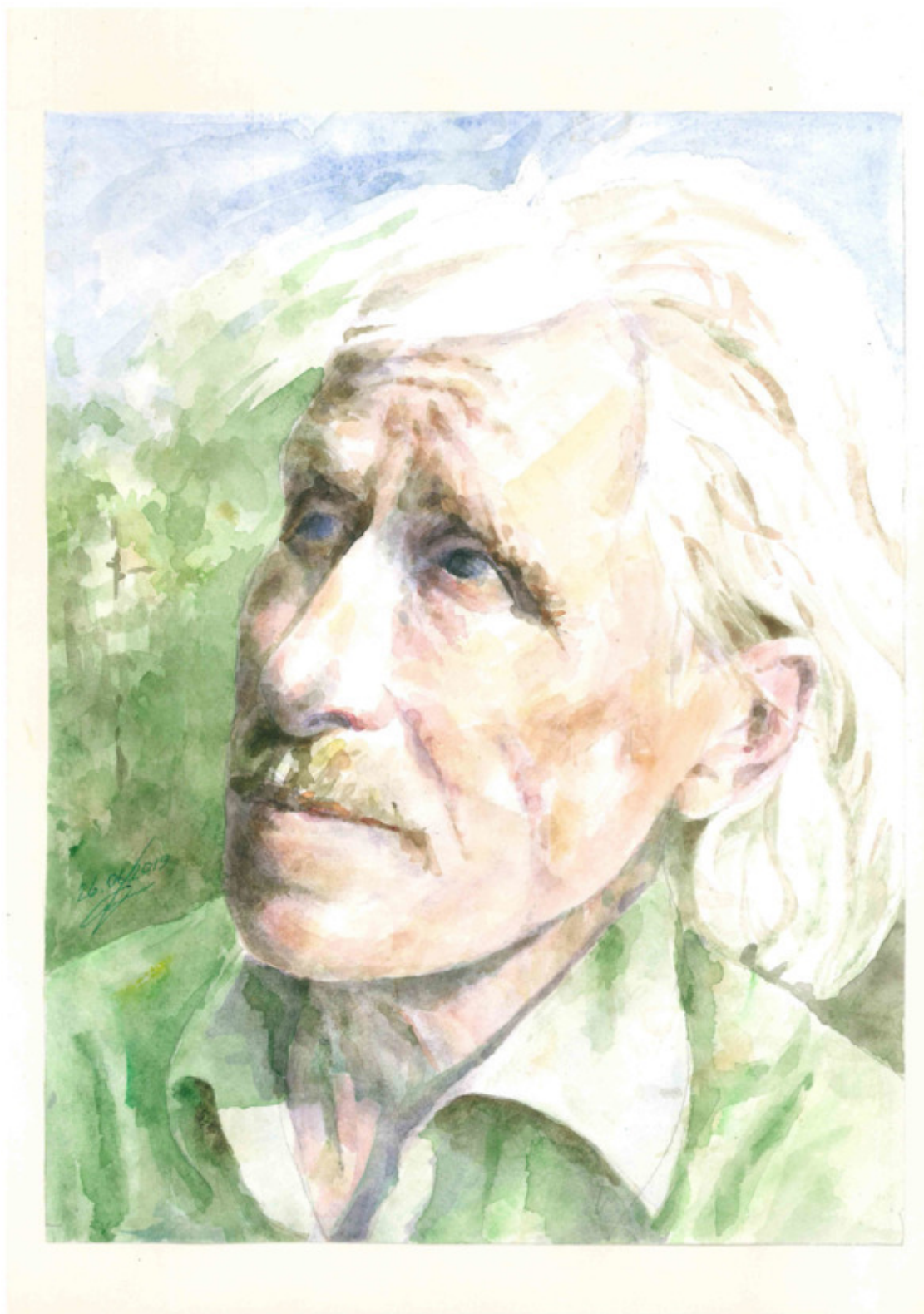
Валера Жен

© Валера Жен, 2020

ISBN 978-5-4498-9918-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валера Жен

**СВЕТ
НЕБЕСНЫЙ**

Ранен ★

почтовое отделение

Божественно и неповторимо устроена Земля, восторг наполняет душу при взгляде на причудливо сплетенные красоты, всякая фантазия блекнет в сравнении с непостижимыми тайнами мироздания. Человеческая любознательность всюду находит пищу для размышлений, мелкими кажутся бытовые заботы – что поесть, с кем и где спать. В результате создаются различные экспедиции, появляются искатели приключений, авантюристы и обычные проходимцы, заинтригованные неведомой чужой жизнью или экзотикой первозданной природы. Развлекательная индустрия тоже дает возможность перенестись в любую точку планеты, любая потребность может быть удовлетворена, иметь бы деньги.

Деньги!? Миф, созданный неумеренными аппетитами, – своего рода параноя, и все-таки алчность в обществе считается экономически оправданной суетой. Для достижения цели применяются все, даже запрещенные, методы: физическое насилие, порабощение и эксплуатация, открытое присвоение чужого имущества при покровительстве коррумпированной власти. Проявляется всякая низость, но порядочные и законопослушные граждане предпочитают честные пути к материальному благополучию или, что чаще происходит, обычное скромное существование. Существуют какие-то другие, скрытые от стороннего внимания формы деятельности, наполняющей личную жизнь глубоким смыслом.

Объявление, вывешенное на свежескрашенной железной двери, гласило: «СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ПОЧТАЛЬОН». И все. Никакой дополнительной информации, даже нет традиционной вывески с режимом работы. Если бы не общеизвестное представление о специфике работы любого почтового отделения, можно вообразить невесть что: например, исключительную секретность заведения, в котором происходит обработка и перевод корреспонденции сугубо конфиденциального свойства. Выражаясь точнее, именно здесь проходят нити, связывающие все силы, так или иначе влияющие не только на частную жизнь, но и мировые процессы.

Так мысленно рассуждал молодой человек типичной славянской внешности, ничем не выдающийся – среднего роста, хотя и спортивного сложения, при легкости походки ноги явно не для балетного искусства, да и лицом не Ален Делон. Вряд ли кому еще могла прийти в голову непосильная задача поменять общепринятые человеческие ценности, для начала избрав местом деятельности почтовое отделение – в данном случае на привокзальной территории. На решительный поступок подтолкнуло привлекшее внимание скупостью изложения объявление и близость к своему месту проживания.

Тяжелая дверь открывалась с важной медлительностью, при заметном приложении усилий, но ничего примечательного за ней не скрывалось – просторный тамбур да небольшое помещение за остекленными дверями. Сразу же в глаза бросались следы недавнего ремонта, то есть стены покрыты ламинатом под ясень, на окнах современные жалюзи, в новенький подвесной потолок встроены аккуратные импортные светильники. Как и полагается, для посетителей представлена всевозможная информация по различным видам услуг. За стеклянной перегородкой немногочисленный персонал: девица у компьютера принимает коммунальные платежи и одновременно работает с заказной корреспонденцией, за ее спиной три женщины примерно одного, принятого считать цветущим, возраста сортируют газеты и письма.

– Могу видеть начальника... по поводу объявления?.. То есть хотел бы устроиться почтальоном.

Появился, и в помещении стало светлее, а взгляд не имеет четких границ – мягко охватывает, ласково притягивает, деликатно ощупывает, западает в душу. Сразу видно – личность. Зачем пришел? Самая бойкая и привлекательная женщина приблизилась к перегородке, потупилась, странно улыбаясь, остальные потерялись в себе, пытаюсь перехватить взгляд необыч-

ного посетителя. И что это!? Возникла непреодолимая психологическая стена. Человек представляет собой замкнутый и... недоступный мир, излучающий душевное и духовное тепло. Все понятно и труднообъяснимо.

Казалось бы, ничего особенного – множество людей обивает пороги в поисках не слишком обременительного и оплачиваемого занятия, но к нему отнеслись с особенным вниманием. Начальница почтового отделения – сотрудницы называли ее Александрой Григорьевной – очень придирчиво рассматривала его одежду, пробормотала что-то о бледности и темных кругах под глазами, намекнула о неких способностях скрывать алкогольную зависимость, спросила о семейном положении, местожительстве и наличии домашнего телефона. В целом осталась довольной и перешла к устрашению низкой заработной платой и дополнительными нагрузками, связанными с подпиской на газеты и журналы.

По всему видно, российская почта живет и развивается по своим специфическим законам, поэтому имеют место придирчивость к моральному облику новых сотрудников, небольшое жалование и специальная экипировка в виде валенок, фуфаяк и объемистых сумок, выдаваемых по особому распоряжению и в исключительных случаях. Обязательно проводится инструктаж по технике безопасности – вроде своеобразного предупреждения об опасности гололеда, пьяных дебоширов и бродячих собак.

Конечно, неосведомленный в почтовом деле гражданин не знает всей романтичности работы почтальона, зато прекрасно ориентируется в книгах Джека Лондона о Клондайке, дикой природе, обледеневших саях, замерзших реках. Так вот, российский почтальон познает прелести морозной зимы и жаркого лета на своей шкуре, закаляясь и крепчая физически. Даже хрупким женщинам приходится переносить естественные, не всегда приятные, трудности своей профессии, поэтому приятно видеть нового почтальона – молодого крепкого парня. И Александра Григорьевна Витюк, познавшая на почте особенности всех видов работ, с детской наивностью отсчитывающая последние месяцы и дни до выхода на пенсию, с трогательной надеждой принимала работника. Надеялась закончить свою деятельность без ЧП. А кто бы на ее месте не мечтал, если текучка кадров напоминала поток пассажиров на вокзале: придут, посидят и опять куда-то. Как бы чего не случилось – это под занавес-то.

Почтовым отделением обслуживались три участка, один из которых охватывал с десяток пятиэтажек, несколько предприятий и протяженный частный сектор, то есть являлся самым трудоемким и дожидался своего, далеко не избалованного, почтальона. И было кому ждать. Стоило появиться среди ветхих домишек и покосившихся заборов, как тут же увязывалась стая беспризорных собак, с придирчивой настороженностью ожидающая необдуманного движения со стороны служителя российской почты. Умение достигать взаимопонимания с дворнягами оценивалось очень высоко, иначе работа становилась невозможной.

Желание Ивана Быстрова работать почтальоном вызвало бурю различных толков у сотрудников почты. Во всех бланках указывалось место подписи именно *работницы*, а тут... мужчина. Кое у кого возникла шальная мысль о возможной диверсии. Поэтому такая щепетильность со стороны Александры Григорьевны. Действительно, за каким чертом умному крепкому парню губить молодость на примитивной работе. Почему-то глубокий интерес к человеческой и собачьей психологии в расчет не принимаются. И совсем упускается причина привлекательности работы именно для женщин, хотя ответ лежит на поверхности – всех устраивает возможность выполнить быстрее обязательную работу и заняться домашними хлопотами. Парень тоже не стал долго объясняться.

– Всю жизнь мечтал, – отреагировал он на всеобщее недоумение.

Приглянулся новый почтальон персоналу и собакам. Известные забулдыги частного сектора зауважали его, пьяными улыбками старались заманить на рюмку-другую. *Свой парень*, – метко отмечали они, выразительно выставляя вверх большой палец. И верно, не долетало в их

адрес едких замечаний со стороны почтальона, добродушные отшучивания – вот визитная карточка, за короткое время ставшего знаменитым, простого сотрудника почтового отделения.

Александра Григорьевна за пару дней помолодела, подкрасилась, перестала смотреть на календарь и взяла за правило делиться с новым почтальоном текущими задачами, возложенными на их отделение. Ей доставляло немалое удовольствие выслушивать ежедневные звонки от многочисленных знакомых с лестными высказываниями по поводу удивительных способностей сотрудника, проявляющего искренний интерес и сочувствие к престарелым людям – их заботам и чаяниям, не забывающего их имен и личных просьб. Всегда умеет внимательно выслушать, а время экономит на передвижениях – его бегущая в синем спортивном костюме фигура с разбухшей заплечной сумкой неожиданно возникает в разных точках обслуживаемой территории.

Не только население полюбило неутомимого почтальона, собаки тоже почуяли в нем своего парня. Поэтому немудрено, если в определенное время они стаями собирались на углу какой-нибудь улицы, простирая взгляды в ту сторону, откуда он появлялся с точностью до пяти минут. Его оптимизм и трудолюбие с улыбкой на губах вселяли в окружающий мир веру в неувядаемую молодость и вечную жизнь.

Может быть, вышеизложенные перемены в почтовом отделении №74 не имеют серьезного значения в масштабах страны и даже города не первой величины – не мало преданных своему делу творческих, и просто интересных, людей, но именно на территории бегающего почтальона полгода спустя стали разворачиваться события, вызвавшие серьезный резонанс в обществе.

I

– Ты парень примечательный, – прищурился главный редактор областной газеты, оценивая опытным взглядом бесцветную внешность Лени Мухина, – не каждый тебя увидит, ха-ха... самый раз подходишь для щекотливого задания.

Анатолий Евгеньевич Хижин – так звали пожилого, на вид маленького и болезненного, еврея – сам не отличался выдающимися литературными способностями, но обладал отменным чутьем на таланты. Чутьем? На самом деле он попал под обаяние молодого человека, поверил в скрытые возможности потенциального исполнителя хитроумного плана по поднятию престижа газеты, то есть набившего оскомину пресловутого рейтинга. Газетные киоски прямо-таки забиты периодическими изданиями разного толка, и с каждым годом конкуренция неуклонно возрастала. Стоило о чем подумать. Тираж газеты неуклонно снижался, а бесплатные издания становились ежедневным чтивом сограждан, лишая тем самым необходимой материальной поддержки настоящих рыцарей пера и бумаги. Позарез нужны рискованные, честолюбивые и напористые, литераторы со свежими идеями, способные противостоять чернухе и альковным откровениям.

– Готов на любую работу! – необдуманно поторопился заинтригованный необычным предложением парень, сразу полюбивший Анатолия Евгеньевича с его мягким проникновенным баритоном.

В каждом городе есть культурный центр, то есть лобное место, куда ведут все дороги. У Лени Мухина свое понимание Центра. Это издательский дом, в коридорах которого он провел немало часов, посещая кабинеты от рецензентов до редакторов, ожидая рассмотрения романов, написанных, как ему казалось, кровью. *Ваш роман нас не заинтересовал.* Дежурная фраза, способная погубить на корню всякое дарование, не отбила интерес к литературному творчеству, наоборот – он мобилизовал силы в поисках наиболее успешных путей для достижения признания.

– Знаешь социальную и криминальную обстановку в стране... снижение рождаемости, большой процент разводов... люди мрут, как мухи... вичинфекция... в газетах проскальзывают резкие высказывания... Представь один жилой двор в самом обычном квартале. Заметь, один из многих... – Анатолий Евгеньевич смотрел мимо Лени, будто и в самом деле видел один единственный двор на просторах огромной страны. – И вот люди часто погибают. Не каждый день, так – через день. И все какие-то несчастные случаи – злой рок, что ли. В существующих публикациях не просматривается причинной связи, но мы то с тобой материалисты, поэтому должны разобраться в печальной статистике, показать пример добросовестной журналистики. – Он понимающе заулыбался, отмечая нетерпеливые движения Мухина. – Ты молодой, энергичный. Походи, поспрашивай. Глядишь, и серьезная статейка получится.

В другой бы ситуации Леня мог обидеться на оскорбительную снисходительность, с какой беседовал главный редактор, но Анатолий Евгеньевич в действительности выглядел невзрачным человечком с огромными немодными очками, прикрывающими природную робость и ранимую душу. И он когда-то пробивался через кордоны секретарей и машинисток, загружая работой капризных рецензентов. Ему давно приглянулся шустрый паренек у дверей книжных издательств, не отступающий перед избалованной литературной элитой. Как человек, тесно связанный с газетной продукцией, он быстро и профессионально обрисовал для себя внешний и психологический образ Мухина. Прежде всего, появилась ассоциация со словом *простота* – простой, простодушный; потом возникали производные от слова *доброта* – добродушный, добропорядочный, добросердечный. Ну чем не крестьянский сын? Низкорослый крепкий дубок с почти бесцветными, коротко стриженными, волосами на широколобой голове.

На бледном скуластом лице странно сияют синие глаза. Обычный до необычайности парень. И неприметный?

– Анатолий Евгеньевич, вы пишете!?

– Упаси бог от напасти! – замахал он руками. – А ты дерзай, ха-ха...

Буйная фантазия Мухина размыла границы здравого мышления. Еще не зная в деталях *несчастные случаи*, он пытался представить маньяка-убийцу, скрытого под маской законопослушного гражданина, упоенного успехами в деятельности по сокращению численности населения, в подрыве авторитета страны на мировой арене.

– Наверняка милиция опередила, – засомневался он. – У них огромный штат, на вооружении криминалистическая медицина и лаборатории...

– Все так, – поморщился главный редактор, – но есть и аргументы не в их пользу – статистика. Здесь необходимо журналистское расследование. Твоя задача – проникнуть в человеческую психологию, взглянуть на события изнутри. Возможно, проявился социальный фактор – ничего нельзя исключать. И – без фантазий.

Без фантазий?

Старенький *Икарис* хлопнул дверями, качнулся, выпустил ядовитое облако, заскрежетал стальными мышцами. В просторном салоне – два небритых мужичка рабоче-крестьянского покроя, миловидная девушка с пылающими щечками и вздернутым носиком, еще несколько пассажиров. И весенняя слякоть. Мухин не в счет, потому что неприметный, в контрасте со своим черным пальто кажется прозрачным.

Девушка садится напротив. Нервно поправляет вязаную шапочку, машинально разглаживает на коленях полы цигейковой шубы, доводя их до серого блеска. Отрешенно смотрит сквозь него на мрачный городской пейзаж. Нежный цветок, задетый порывом ветра?

Леня Мухин представляет ее в домашней обстановке – у гладильной доски. Она расправляет кружево платья, прыскает водой, прикладывает утюг. Невидимый пар обдаёт лицо жаром. Девушка улыбается, приятные мысли блуждают в ее белокурой головке. В комнату заглядывает пожилая сухопарая женщина с полотенцем вокруг головы, что-то говорит, видит утвердительный кивок, уходит.

Девушка вновь склоняется над платьем. Процедура ей нравится, она не жалеет сил и прилежания. В клочкасто-облачном небе щурится солнце, цветомузыкой вальсирует на стенах. За спиной, на шкафу, большой персидский кот, при каждом ее резком движении вздрагивает, меняет позу, сохраняет бдительность.

Платье готово, крылато вспархивает в гибких руках, в то же мгновение воздушно-пушистый клубок разрывает пространство, когти-бритвы рассекают тончайшее кружево.

Молодость Мухина и ее душевное состояние вполне созвучны. Сейчас вновь появится солнце, в его лучах оживет пейзаж, надежды вспыхнут с новой силой, померкнут неприятности.

Он почти счастлив, хотя возникший образ – всего лишь иллюзия, далекая от реальности, игра воображения, непрактичная в повседневной жизни. Даже начальник химлаборатории, в которой Леня Мухин до последнего времени числился младшим сотрудником, не скрывал иронии, на собрании сказал: *Когда ты проявишься, бесцветник! Материализуйся, наконец. Так и будешь мыть колбы и мензурки?* Мухин слабо вникал в язвительную речь начальника, зато тут же представил его утренний марафон в забегаловку – рядом с лабораторией, фальшивые любезности линяло-тусклой барменше, бокал шипучки в дрожащей руке.

А хор самоотверженных коллег набирал силу. Их устремленность могла привести к коммунизму, но мешали непрактичность, отсутствие энтузиазма у младшего лаборанта. На собрании громко звучали призывы искоренить разгильдяйство и лень, всех звонче солировал голос зав. отделом лекарственных трав. В ее эмоциональном порыве, как в лучших винах *Абрау-*

Дюрсо замешено все многообразие приятных ощущений – любовные игры в постели, прилив теплой воды в ванне, вкусный завтрак. Леня видел, как она дефилирует перед мужем в порванных колготках, не замечая дефекта. Ей безразлично, что надето под белым халатом, а ему становится стыдно, когда видит фривольные сцены, семейные скандалы... словно подглядывает в замочную скважину.

Автобус устало вздохнул, распахнулся навстречу новым пассажирам. Девушка, пробудившая воображение Мухина, исчезла, а Леня, наконец-то, вспомнил о задании Анатолия Евгеньевича и цель поездки. *Размечтался*, – с грустью произнес он. Или подумал, потому что никто не обратил на него внимания, как и на седую молоджавую женщину, возникшую из наплывшей публики. Такая же элегантная, как его любимая школьная учительница. Отрешенный взгляд, назидательная, без эмоций, речь насыщена гипнотическими повторами. И сдержанная жестикация.

– Братья и сестры, любите друг друга, развивайте в душе своей искреннее доброжелательство, гоните из сердца зависть и ненависть, которые суть исчадия дьявола, как и желание обогатиться. Прочь скупость и корыстолюбие...

Несколько усмешек явились реакцией на душеспасительные слова. Рабоче-крестьянские мужички зло покосились на благочестивую старушку, раздраженно отстранились в молчаливом заговоре.

Ему вообразилась засоренная комната с кирпично-красным камином в углу, полыхающие дрова в открытой топке. В изрядно потертом кресле развалился лысоватый человек. Со спины его облик не воспринимается, только босые ноги вытянуты к огню. И эти двое при входе.

Обстановка напоминает дачный домик, покинутый на зиму своими хозяевами. Голые стены да стол с двумя табуретами у единственного окна. Две пустые водочные бутылки, открытая консервная банка, прикрытая ломтем хлеба, еще – пара вилок.

Лысоватый поворачивается. Грубоватое землистое лицо неопределенного возраста. Может, сорок... или шестьдесят. В широко раскрытых глазах – страх. В руках *Низкорослого* обрез ружья. Ствол вздрагивает, алая краска смывает испуг с лица лысоватого.

Отвратительное наваждение вконец портит настроение Мухина, но вызывает страстное желание разобраться со всей преступностью одним махом, тем самым перевыполнив план по поднятию рейтинга областной газеты. Он пробирается к выходу, хочет вдохнуть очистительную свободу. Почти касается *Низкорослого*. *Товарища убили, дачу спалили*, – невольно вырвалось у него. Или только подумалось. Странная окаменелость во взглядах попутчиков – как бы толчок для воссоздания последующих событий.

Низкорослый увяжется за человеком, одетым в пальто Мухина. Оставаясь незамеченным, станет преследовать до подъезда, вынет из-под тамбурной двери обломок кирпича, побежит вверх по ступенькам вслед за предполагаемой жертвой. Потом будет скорый поезд, в конце вагона драка с поножовщиной. Появится фигура молоденького милиционера с пистолетом в руке, *Низкорослый* упадет с простреленной грудью; другой вывалится в открытую дверь вагона, попадет под чугунные колеса. Его тело – это рыхлая кровавая масса на тающем снегу.

Неожиданная мысль пронзила сознание Лени Мухина. Что если появился маньяк убийца, пожелавший регулировать численность населения во избежание мировой катастрофы из-за перенаселения. Возможен вариант, когда цель – сокращение рабочей силы, чтобы лишить паразитирующую буржуазию возможности поживиться за счет эксплуатации чужого труда. Хотя фантазия и нелепая по отношению к современному обществу, но сама по себе забавная и не лишенная здравого смысла.

Естественным образом появилось желание дописать рассказик и назвать его «Мартовская слякоть». Тогда сама складывается концовка его транспортных впечатлений. Например, он подошел к своему подъезду. Одна дверь у тамбура повисла на ржавом верхнем шарнире

и поддерживается обломком кирпича, другая раздражает скрипом. Он уже привык, не замечает многих странностей, как и нелепости своего существования в обществе, разъеденном банковскими счетами и скоростными автомобилями. Также не заметил, как миновал первый этаж.

Внизу хлопает дверь, приближается дробный топот ног. Он с улыбкой думает о шаловливых ребятишках, чьих душ не коснулась механизация, медленно поворачивает голову. И – нате! Перед ним искаженное лицо *Низкорослого*, а в поднятой руке кирпич, только что подпиравший дверь тамбура.

Калейдоскоп событий раскручивается в обратном порядке. Со скрежетом движется автобус, каркающее многоголосье наполняет пустующее пространство. Нежный цветок раздавлен, его красные лепестки горячими слезинками прожигают снег. *Все это мартовская слякоть*, – успевает подумать он.

Что же в реальности?

Со слов главного редактора, поставленная задача выглядит до крайности понятной и простой: надо пообщаться с людьми, то есть собрать всевозможные сплетни и разноречивые рассказы. Проявлением истинного таланта будет умение сделать выводы, способные привлечь к обсуждаемой теме огромные массы читателей, тем самым подняв рейтинг газеты. И вся затея пахивает авантюрой, потому что цель подкрепляется корыстным интересом. Ошибаться тоже нельзя, чтобы не получить с какой-нибудь стороны иск за искажение фактов – опять же с целью пощекотать нервы наивным обывателям и заработать немного денег.

Вышел из автобуса, прошел между торцами пятиэтажек и оказался во дворе. Своеобразным указателем является также коммерческий киоск на обочине внутриворотового проезда. Просматривается с остановки, привлекает богатой витриной с плотной вязью стальной решетки и малюсеньким окошком. Рядом с прилавком два нетрезвых мужичка, увлеченных подсчетом финансов. Левее, опять же у проезда, площадка с мусорными контейнерами, за ними – хозяйственное строение, оштукатуренное и выкрашенное в светлую охру.

Просторный двор – соблазн для застройщиков, повсеместно уплотняющих жилые кварталы. В данном случае территория далеко не в лучшем районе города и выглядит малопривлекательной в коммерческом отношении. Поэтому двор сохранил свою первозданность? Нет асфальта и железобетонных бордюров. В общем, обижаться нечего – есть дорожки для пеших прогулок, детские площадки, столики, скамейки. Дома не новые, но опрятные. Четыре длинных фасада гостеприимно распахнули свои подъезды, нет тяжелых стальных дверей со сложной кодировкой замков. Ничто не провоцирует антиобщественных настроений, уютно и спокойно здесь.

Удивляться тоже не приходится. Перед ним обычный жилой двор, каких много в промышленных районах города, куда плывет всякая нечисть из заводских труб, иглами пронизывающих грязновато-серое небо. Хуже – далеко от редакции газеты, даже на транспорте целых тридцать минут езды. Рядом железнодорожный вокзал, и гудки напоминают о быстротечности времени, предостерегают от непоправимых ошибок. Население – в основном люди пенсионного возраста или таковыми кажутся: многолетняя работа на вредном производстве наложила на лица неизгладимые старческие борозды. Тут же проживает немногочисленная интеллигенция – врачи и учителя. Самая малочисленная часть населения – дети.

Предвыборная компания городской администрации по благоустройству жилой территории еще не докатилась до окраин, и Ленья Мухин с приятным ощущением первооткрывателя созерцал корявые деревья, не тронутые безжалостной бензопилой, и дикорастущие кустарники, гнездящиеся на островках сохранившегося снега. Окружающая девственность сошла как бы с картин старых мастеров. Или Мухину только казалось.

Навстречу катится двухколесная деревянная тележка с высокими бортами, доверху нагруженная почерневшей и мокрой прошлогодней травой, в нее упирается низкорослая кре-

пенькая женщина в кепке с длинным козырьком и оранжевой спецовке, по возрасту – давно перевалившая пенсионный рубеж. Глядя на ее, потемневшее и огрубевшее от времени, лицо, можно предположить, что вся ее жизнь прошла на фоне соседствующих серо-тусклых пятиэтажек. Она легко вписывается в окружающий городской пейзаж без рекламных огней и броских вывесок, может поведать историю двора, рассказать о всяком и все. Неуклонно приближается.

– Смотрю и не нахожу признаков цивилизации, – улыбнулся он дворничихе.

– Это как понимать!? – Она откинула у тележки упорную стойку, оттерла со лба пот. –

Придет время, и люди повыходят. Мой двор – он один из образцовых.

– Я и говорю, чистенько, – поторопился успокоить Мухин.

– Ходят всякие! – отходчиво буркнула она, вынимая из кармана мятую пачку «Примы».

– Э-э, – не нашелся сразу Леня, глядя, как она почерневшими пальцами разминает сигарету. – Я к вам пришел.

– Час от часу не легче, – густым облаком дыма выдохнула женщина. – Чего надо-то?

– Выполняю поручение газеты, то есть исследую жизнь горожан, силой слова искореняю всякое крючкотворство и разгильдяйство чиновников, – быстро собрал в кучу он, показушно оглядываясь на блеклые окна домов, как если бы и в самом деле за ними скрывались нерадивые чиновники.

– Ишь чего захотел! – непонятно на защиту кого или чего встала дворничиха, растирая недокурную сигарету носком разношенного ботинка.

– В этом дворе, то есть в домах, – Леня сделал широкий жест рукой, – люди часто умирают, общественность интересуется непривычной статистикой.

– Так бы и калякал, а то чиновники... Здесь, поди, и без них работы хватает. – Она указующе крутанула головой, но тут увидела юную девушку, размахивающую черной лакированной сумочкой. – Час от часу... Танька, ты чего! Ремешок оторвется. Куда опять собралась, работы невпроворот.

При виде приближающейся очаровательной барышни Леня смутился, потерял нить беседы, почувствовал легкое головокружение.

– Чего смотришь-то!? Внучка моя. Как хочу, так и разговариваю. Экзамены в университет провалила, пусть работает.

– Ты с кем разговариваешь? – На последние слова суровой бабули девушка смешливо скривила личико.

– Да вот, сыщик выискался. Люди померли, так обо всем знать хочет.

– Как интересно! – вздернула подбородок Татьяна. – В помощники возьмете? – Она в упор стрельнула взглядом, заметила его робость, рассмеялась. – Я все знаю, что у нас делается.

Казалось бы, фортуна развернулась всеми красками погожего весеннего дня, растопляя остатки почерневшего снега. Может, его скромная внешность располагала к себе людей, но из подъездов стали выходить старички, рассаживаться кто на чем придется, непременно здороваясь с главным старожилом двора.

– Евдокия, ты чего, хахаля завела?

– А ежели так, тебе чего!? – с твердостью суровой командирши отреагировала она на неуместную шутку. – Только бы лясы точить. А вы что рты разинули? – Последняя фраза относилась к молодым людям. – Танька, поговори с парнем, не до вас мне!

– Пойдем, что ли? – Девушка тронула Леонида за локоть.

– Куда!? – странно екнуло у него сердечко.

– Да вон, в середине двора два тополя склонились, а коряга между ними вместо сидения.

Самое спокойное место. Летом – красота.

– Могу представить.

– Что... ну, представить?

– Любовные парочки и прочее.

– Ну, прямо!

Девушка смущенно отвела глаза, и Леня Мухин, наконец-то, решился рассмотреть внешность собеседницы. Еще бы! Ее волнующая свежесть могла кому угодно вскружить голову, а небесный взгляд уносил в сказочные мечты. Из-под косынки выбивались золотистые локоны, светлый плащ подчеркивал стройность фигурки. Они присели на гладкий ствол дерева, представляющий собой склоненный до уровня земли надломленный огромный сук, который девушка назвала корягой. Он приготовился к непринужденной беседе. И вдруг девушка растворилась в апрельском солнце, брызнувшем сквозь густую сеть пробудившихся после зимы тополиных веток. Не хотелось говорить о делах.

– Весна, дарящая забвенье в мечтах крылатых о любви, чарует все – и птичье пенье и доброты твоей души. – Он произнес или ему показалось?

– Чего, чего?..

– Наваждение какое-то, – покраснел он.

– Вам сколько лет? – улыбнулась девушка.

– Двадцать один.

– А мне уже восемнадцать, – музыкально закончила она реплику.

Леня Мухин потерялся в собственных ощущениях и безуспешно пытался обрести оборванную ниточку, его состояние естественным образом передалось девушке. Если не преодолеть весеннюю рассеянность, то их встреча не будет иметь деловой перспективы.

– Интуиция подсказывает, да и факты... за короткое время... Хижин, это главный редактор, считает, в губительной статистике может иметь место закономерность, способная привлечь внимание горожан. Но нельзя строить публикации только на слухах, надо искать глубинные корни – социальные или нравственные. Факты, например... Казакевич погиб, можно сказать, под вашими окнами, и никто не видел.

– Погиб... Ну да! А что вы хотели? Ефим Терентьевич логически выстраивал свою жизнь. Иначе не могло произойти. Другое дело – поторопил события. Выходит, сам виноват, хотя при мне мухи не обидел.

– Моя задача проанализировать, а не расследовать. – Леня Мухин почувствовал трепет ее губ, ему хотелось коснуться ее дыхания, окунуться в небесную глубину ее глаз, но шумели на ветру голые ветки, казенные слова разрушали естественное состояние. – Я ждал большего.

– Можно написать обо всем дворе – чем люди живут, о чем говорят... Моя бабушка всех знает, ей доверяют. Вы не смотрите, что она такая строгая, она сплетен не любит. Ефима Терентьевича знает, он весь был на виду. Когда погода хорошая, придет с тросточкой, присядет у столика во дворе – чекушку распивает. Бабка ему слова не скажет, все жалела.

– А сколько ему было?

– Да уж семьдесят давно перевалило, ничто с ним не делалось. Старые люди словно замороженные – военная закалка, что ли.

– Сами то что думаете? С ребятами общаетесь... – При последней фразе в его голосе проскользнула ощутимая зависть. – Может, они виноваты.

– Ну, прямо! Им и так досталось ни за что. Участковый целый месяц цеплялся к Петьке Рябову, а расстались друзьями. Ничего не раскопали, только пыль подняли. Если бы какой маньяк был, так ведь почерк разный. А Борька Пендюхин сам свалился с балкона... Лена Андреева... Да что там говорить, и закономерности нет. Выдумки все – я так думаю.

Действительно, со стороны факты выглядели банальными: старик умер от побоев, Наталью Бунькову с ее соседкой зарезали в пьяном угаре, Лена Андреева отравилась водкой сомнительного качества... Пендюхин свалился с третьего этажа. Это же надо ухитриться – упасть с балкона... Но Анатолий Евгеньевич, умудренный жизнью человек, почувствовал скрытую закономерность, увидел возможность поднять рейтинг газеты, привлек Лению Мухина, рассчитывая на его сообразительность.

– Все равно должна быть объединяющая причина.

– В новых экономических условиях люди перестали доверять друг другу, замкнулись, стали каждый сам по себе – отсюда трагедии. Да что я говорю... раньше культивировалась взаимовыручка, а теперь – умение сорвать куш принято за правило как основной двигатель прогресса. И этот ваш редактор тоже гонится за деньгами, ему наплевать на ваше душевное здоровье. Теперь никто не верит государственной политике, а мы начинаем удивляться, по какой причине развелось множество религиозных сект. Кто-то может себе позволить, и уединяется. Называют отшельничеством и слабостью. Я так понимаю – ум, сила характера и честность. Кто-то же не хочет жить за счет других, и общаться с морально нечистоплотным обществом считает ниже своего достоинства. А почему нет? Артисты, например, не могут реализоваться без зрителя и слушателя, а умный, физически здоровый, человек способен найти блага в окружающей природе.

– Любопытно, – оценил он девичью логику, – но похоже на юношеский максимализм и домыслы, а от меня требуют документальности. Факты нужны.

– Есть у нас писатель, живет с женой. Дочь и зять сбежали... ну, отсоединились. – Она помолчала с минуту. – Даже в одной семье нет мира, конфликты возникают на пустом месте.

– Это как?

– Думаю, разные поколения. Как-то слышала их перебранки. Он пишет ненужные книги, а им, выходит, пиши с маслом. Вот они и бесятся... А, есть вариант! Расслоение поколений, их взаимное непонимание.

– О конфликтах отцов и детей еще Тургенев написал, о вражде нет речи.

– Вы не понимаете! Теперь нет родственных чувств. Если раньше проявлялась конфронтация идей, то сейчас на всех уровнях происходит экономическая война. Каждый хочет пожить за счет ближнего – я так думаю.

– Танюша, вы милая девушка, но экономические законы были всегда, на их основе строится государственная политика. Нельзя созидать цивилизованное общество, опираясь на мировоззрение только людей, приобщенных к лику святых; к сожалению, люди в своей основе лживы, изворотливы и коварны.

– Ну, прямо! Я так думаю, приспособляются, часто портятся окончательно. Вы же не будете отрицать безгрешность детей. Ой, что я придумала: бескорыстно любят только дети, в остальных случаях – дудки!

Приятно слушать юную особу и сознавать безошибочность первого впечатления. Внешняя привлекательность вполне соответствует внутреннему содержанию. И все-таки его самолюбие задето. Это он, мечтающий стать писателем, слушает лекции по психологии – логически выстроенную первопричину трагических событий.

– Вам бы книжки писать!

– Я и говорю, давайте напишем вместе.

Ему самонадеянно приходила шальная мысль, что Татьяна увидела в нем привлекательность; возможно, симпатизирует, хочет подружиться. Однако свежи впечатления от общения с сотрудниками лаборатории, замечания по поводу бесцветности Мухина. Приходится расстаться с мыслью о своей исключительности, девушкой движут честолюбивые помыслы.

– Как-нибудь сам, а с писателем я встречусь. Думаю, выскажет свои соображения.

– Так он все и расскажет! – хмыкнула Татьяна. – А вы зря обиделись, ничего плохого в моем предложении нет. Надо чем-то заниматься. Бабка заколебала, метлу подставляет. Вы не можете мне отказать, правда?

Она уверена в своей неотразимости – фамильярно поглаживает рукав его пальто, нежно заглядывает в глаза, отыскивая признаки покорности, и беззастенчиво продолжает гнуть свою линию. Можно, конечно, противиться, но нельзя отрицать факта притягательности ее интеллектуального и духовного мира. И он покоряется. Ему очень хотелось любить обаятельную девушку, только бы он ей понравился.

– У Лены Андреевой родственники остались?

– Сын... мать в Доме престарелых... Костя хотел выдать Елену Витальевну замуж и сам распорядиться квартирой. Ей-то что! Наверное, хотела, да кто возьмет. Вот она и бесилась. Придет пьяная – он ее из дома вытаскивает. Она сядет на скамейку у нашего подъезда, и так до утра. Летом куда не шло, а зимой моя бабка ее притаскивала. Отогреет и обратно спровадит.

– Плохо верится, чтобы так плохо относился к родной матери.

– Ну, прямо! Хорошо относился – не хотел, чтобы его позорила. Сначала в квартире запирает. Принесет продукты и закроет на замок, чтобы сама до винной лавки не добралась. Только напрасный труд. Всю жизнь без мужика в доме, поэтому ссоры хватало – найдет какой ни есть инструмент и разберет любой механизм. Потом бегал по всему кварталу, до частных домов добегал – и там искал бестолковую мамашу. Часто находил в непотребном виде. Когда понял – скрывать нечего, тогда и стал прогонять: все равно ему хуже не станет, а она помыкается и задумается. Пустое занятие, горбатую могила исправит.

Леонид уверен, мнение Татьяны мало имеет общего с действительностью, но характеризует отношение самой девушки к сыну погибшей Андреевой. В ее понимании все несчастные случаи, в том числе и смерть Елены Витальевны, ничего сверхординарного не представляют – в стране их не счесть. И задача выглядит простой – объединить и обобщить трагические события, частоту объяснить редким совпадением и подогнать под общий процент смертности. Для заразительности желательно вставить парочку интригующих эпизодов, пусть даже далеких от реальных фактов – все равно стопроцентной точности не достичь из-за субъективности восприятия любого расследования. Неплохо добавить несколько глубокомысленных рассуждений. И другого не надо! В потоке российского словоблудия читатель проглотит наживку за милую душу.

– А этот писатель, он известный?

– Сергей Петрович?.. Не знаю. Теперь многие пишут от безделья и нежелания работать по рыночным правилам – считают ниже человеческого достоинства. А у него вдруг да получится. Говорят, живет на пенсию по инвалидности, да и жена его получает пенсию по болезни. Он редко появляется на людях. В магазин и обратно. Всегда грустный, о чем-то думает. Ефим Терентьевич раз остановил, чтобы стрелкнуть десятку, так он испугался, шарахнулся в сторону, начал заикаться, понес околесицу. Тогда я помогала бабке снег разгрести. Ну да, в прошлом году. Думаю, нищий он – на то и писатель. А у нас получится, я уверена.

– Вряд ли вы можете рассчитывать на успех, вдохновляясь нашим сотрудничеством. Обычная рутинная работа по сбору и изучению известных фактов, является моим первым опытом на поприще журналистики.

– Все говорят об известных фактах, и вы тоже... Что известно-то!? Ничего и не было – я так думаю. А мы придумаем! – Ее глаза загорелись, как иной раз говорят, синим пламенем. – Пусть будет цикл рассказов о людях, объединенных неудачным стечением обстоятельств. Что я придумала!.. Закономерность преступлений – в невозможности укрыться от моральных уроков, в их повсеместном присутствии, договориться с ними тоже нельзя. Ну как!? – Она схватила его пальцы, сжала в своих узких ладошках так, что ему ничего не оставалось, как согласно покивать головой. Внешне походила на одну из множества привлекательных девушек, но смысл ее речи не укладывается ни в один известный сценарий. – Общая масса людей далека от понимания глобальных нравственных проблем, своевременно не замечает, как в ней самой зреет негатив... – продолжала девушка. – Хотя что я говорю! Где-то рассыпаны зерна всевозможных социальных потрясений. Мы проходим мимо, а они потихоньку набирают силу, и вдруг вырастает колос. Для примера можно взять политических авантюристов или еще кого...

– Куда вас понесло! Передо мной стоит задача проще – разобрать по полочкам уже известные факты, пусть даже криминальные, выявить закономерность. Сдается мне, причина кроется в самом перестроечном времени – очень смутном, когда общество расслоилось на бедных и богатых, не устоялись нравственные ориентиры. Говорят о пресловутых генах, но мы живем среди реальных людей и пакостим друг другу... из-за мелочей. И почему?.. Гордимся достижениями цивилизации, а возвращаемся к законам джунглей.

– Говорите, проще? Смотрите, голову не ломайте. До вас тоже умники были, а воз и ныне там. Человеческую природу не изменить, всегда происходило одно и то же. Живите как живется. Зло в природе человека, но бог помогает преодолевать собственные слабости. Вы и представить не можете, какой замечательный человек Сергей Петрович... Бережет свою жену. В моем понимании, духовность проявляется в объеме любви. Чем больше любви, тем и человек духовней.

– Чего ж не понять, – слабо улыбнулся Ляня. – И все равно надо выявлять зло. Впрочем, я потому и здесь – чтобы отделить зерна от плевел. Как известно, в мутной воде черти водятся, а люди должны видеть открытость, верить в справедливость и объективность.

– Допустим, вы правы, – неожиданно отступила девушка, – но никогда не узнаете истины.

Он смотрел на ее пухленькую ручку, опущенную на вздымающуюся грудь, и понемногу стал уходить в мир грез, в котором нет злых гениев, а чувства глубоки и искренни. Осталось прояснить для себя, какой цели он сам добивается, беседуя с ней на отвлеченную тему. Надо помнить о поставленной задаче!

– Мало верится, чтобы умудренный жизнью Ефим Терентьевич мог по случайности погибнуть от уличной шпаны. И никаких свидетелей. Вы сами сказали, мухи не обидел...

– Говорила... мало ли что могло произойти. Слово за слово... Сами знаете, какие парни пошли. Наши – нет, а еще приходят чужие... Вы действительно хотите раскрутить дело? Не верю, потому что никто не заинтересован.

– И вы?

– Я!?

– Ну да.

– А зачем раскапывать? Вы сами не хотите. И неинтересно. Пока история окутана тайной, смерть всегда кажется таинственной, как и чужая душа. И притягательной – я так думаю. Теперь точную причину не узнать, а посадить могут многих. Человек-то старый был, инвалид; могли недооценить свои силы. И зачем убивать старика...

Впору серьезно задуматься. Возможно, она не права, но своим умозрением интригует. Распахнулась, и Леня Мухин погрузился... в потемки. Да, она своими речами заворожила, опутала, увлекла. Он готов заплакать от восторга, но отказывается от сотрудничества.

– В голову не возьму, зачем вам участие в рутинной работе. Вы девушка умная, самостоятельная; можете сами начать какое-нибудь дело и, при вашей энергичности, достичь успеха. Вот и молодость... Не надо подстраиваться под меня.

– А если вы мне нравитесь. Не так уж много воспитанных и увлеченных настоящим делом ребят. Уверена, вы и стихи пишете. Может, почитаете... о любви, например. А хотите, я покажу свои стихи? Кто только не писал в нашем классе, и я пробовала. Вы чего загрузили?

– Подавлен вашей целеустремленностью.

– Ну, прямо!

Они уже оба потерялись в собственных ощущениях и не замечали пристального взгляда Евдокии, издали наблюдающей за внешними проявлениями молодых людей. Музыка стучала каплей, и тополь клонился, обремененный масштабами их присутствия. И Леня начал говорить, или ему только казалось:

Она и он нашли друг друга —
Любовь земная их свела,
Слила дыханье воедино
И по жизни провела

– Это что!?! – встрепенулась она.

– Вы же сами попросили...

Настало время их покоя —
Они уснули навсегда;
Земля сошла над головою,
Укрыв два любящих сердца...

– И все? – повернулась она к замолкшему Мухину.

– Концовка мне кажется символической, боюсь обидеть вас...

И на мягком одеяле,
Как символ вечности любви,
Два тополя сплелись ветвями,
Младенца скрыв в своей тени.

Она не подняла потупленного взгляда, но Леня не сомневался, каждое слово прочно заняло свое место в сердце девушки. Персидский кот прорвался сквозь кружево ее мировосприятия, накрепко вцепился в трепетную душу. Интуитивно воспринималась закономерность их нечаянного знакомства, а замысловатая беседа – не что иное как пышная крона, скрывающая неожиданно возникшую симпатию друг к другу. Для чего? С самого начала внештатному корреспонденту разговор представлялся мостиком к пониманию психологии людей, объеди-

ненных общей территорией и условиями проживания. Убедительная точка зрения, требующая подтверждения и развития.

– А этот Костя... не пытался за вами ухаживать? Вы девушка привлекательная во всех отношениях, не могли остаться незамеченной. Он парень видный?

– Ну, прямо! И он – так себе. Внешность обычная, а что внутри – никто не знает. Скрытый он, и мать приучал не выносить сор из избы, да разве от людей скроешься – все норвят покопаться в чужом белье.

– Вообще-то смысл жизни в любви, то есть в продолжении жизни. И стихи я написал по ксилографии Красаускаса «Бессмертие».

– Но смыслом может стать также ненависть – как антипод любви.

– Трудно поверить, чтобы из-за неприязни умерла Елена Витальевна. Никому не мешала... Ведь так? Отравилась алкогольным суррогатом.

– Конечно, можно допустить случайность, но вы ищите закономерность... А как объяснить падение Пендюхина с балкона? Кто-то зарезал Наталью Бунькову. Ничего общего.

– Не все погибли в один день, была последовательность.

– Если о последовательности... Пендюхин незадолго до своей гибели убил собаку Назаровского – это у своего соседа. – Татьяна увидела в глазах Мухина повышенный интерес. – Уже разбирался участковый, да все сошло с рук, ведь он ненормальный. Ненавидел все человечество и собаку зарезал, чтобы досадить. Это вам пример антипода любви.

Леня Мухин невольно загрузил. Он всегда жил мечтами о большой любви, но жизнь подсовывает пакости как единственный способ общения между людьми. В далеком небе прозвучали трели жаворонков – им не до человеческих разборок, спрячутся где-нибудь на пустыре.

– У Ефима Терентьевича остались родственники?

– Есть жена... дети. Ушла от него. Бабка что-то говорила, я не помню.

Солнечные лучи пронзили припорошенные снегом ветки надломленного дерева, холодная капля упала за воротник. Иная мелодия зазвучала в растревоженном мозгу внештатного корреспондента. Он представил двух собачек, повстречавшихся на талом снегу заброшенного пустыря. Они принохиваются, доброжелательно помахивают хвостами и, убедившись в незлонамеренности друг к другу, мирно расстаются.

– Могу я к вам обратиться как-нибудь еще? – как бы издали донесся его голос, сливаясь с птичьей симфонией.

– Как хотите, – опечалилась девушка.

Напрасно я поверил, – подумалось Лене Мухину. Он не пытался объяснить себе, с какой стати возникла мысль, ничего не имеющая общего с первоначальной целью беседы. Девушка понравилась, и в душе его затеплилось, но ее безразличную фразу не стереть из памяти. Хуже того, она имела основание – это уж впечатлительный корреспондент знал наверняка. Тонкое кружево пришло в негодность. Сейчас нечего рассчитывать на девичье внимание, но открылись другие горизонты, и Леня Мухин улыбался. Молодость и весна вносили коррективы в настроение.

И знакомство?

Общение с очаровательной девушкой повлияло на Леню Мухина магическим образом. Мировое пространство обрело для него вполне определенные границы дворового пространства с притягательным центром – Татьяной. И как он не удалялся от указанных границ, сила притяжения возвращала его к мыслям о возможном сотрудничестве. Ничего удивительного, если к вечеру он снова оказался вблизи ее проживания, а именно – у ларька, перед гостеприимным окошечком которого отдал концы Ефим Терентьевич.

Наручные часы указывали около девяти, и двор плотно окутали сумерки, оставляя клочок маленькой территории, освещенной тусклой лампочкой под козырьком коммерческого

киоска. На желаемую встречу рассчитывать не приходилось, но появилась возможность без свидетелей познакомиться с окружающей обстановкой – ощутить на себе ночную жизнь двора. Правда, зря он прихватил с собой кейс с бумагами. Как-то получилось механически – подумал о предполагаемой беседе с Татьяной и возможности показать опубликованные в прессе материалы о событиях во дворе.

– Бренди! – сунул он две сторублевки в суховатую ладонь невидимой женщины.

Купил бутылку и долго ее рассматривал, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. И что с ней делать? Ну, был импульс, и все. Показалось, таким образом его присутствие здесь будет выглядеть более естественным, и, возможно, найдутся ответы на многие вопросы. Поэтому у Блока звучит: «In vino veritas!». Романтическое губошлепство. Надо быстрее спрятать в кейс.

– Что, сбрендил!? – пискнул голос за спиной. – Ха-ха, он не знает, что делать.

Повернулся. И – нате! Перед ним пестрое пятно разновозрастной компании во главе с высоким крепким пареньком. Почему-то лидерство часто воспринимается с непокрытой кудлатой головой и руками, скрывающими в карманах куртки неопровержимый аргумент. Глядя на внешнюю расхлябанность, запросто можно предположить их причастность к смерти Казакевича. В маленькое окошечко просунулась голова продавщицы.

– Петька, я о чем просила... к покупателям не приставай, отгоняй хулиганов.

По всей вероятности, у них существовал негласный договор, а дармовая охрана магазинчика дает возможность приобретения бесплатной водки и очень даже спорное право диктовать свою волю.

– Откуда будешь? – прозвучал вялый вопрос, как если бы лидеру принадлежали все магазины в округе.

– Местный.

– Мы своих по запаху чуем.

– И что? Пришел к Сергею Петровичу, вот и заглянул в киоск.

– Ладно, пошли! Не наш трофей. – Парень покровительственно глянул на свое окружение, вытащил руку из кармана, жестом показывая направление. Сам не двинулся с места, а выразил недоумение: – И что это Петрович в рюмку полез...

– Вы всех знаете? – осмелел Мухин.

– Тебе то что! – проявил злые интонации писклявый голос.

– Интересуюсь историей смерти Ефима Терентьевича.

– Тебе чего надо!? – теперь уже начал злиться вожак. – Коньяк получил, вот и топай.

А то – с удовольствием поможем.

Последняя фраза прозвучала с явной угрозой, под ехидные смешки приятелей, и Леня не очень обдумывал сомнительное обещание. Фортуна благоволила ему, и он возомнил себя великим актером, способным перевоплощаться в человека разного пошиба, находить общий язык с любым изгоем, отторгнутым современным обществом.

– А что! Заодно по батному поботкам, – развязно прошамкал он, вживаясь в придуманную роль.

– Чего-о? – растерялся не слишком осведомленный в блатном жаргоне вожак.

– Не прочь поговорить, – поспешил поправиться Леня.

– А то заговорил... Ладно, мы тебя быстро воспитаем. Вон и трубы проложены. Тепло, и мухи не кусают. Там и стаканчики найдем – нам не впервой.

Трудно сказать, насколько воспитался Мухин. Одна мысль свербила в пьяном сознании: не перегнуть палку. Энное чувство подсказывало, ребята могут резко изменить к нему отношение – не в лучшую сторону. В сущности, перед ним компания местных хулиганов, высматривающая в его психологии слабое место. Но почему? Библия учит любить ближнего, и Леня любил – сначала пропил свою бутылку, потом участвовал в распитии самогона. Количества он не замечал.

Тихий звон долетал до сознания. Или шелест. Возможно, все сразу, а он не мог сосредоточиться, понять их природу. И как сделать, если ему мешают, пихают со всех сторон. И он готов возмущаться. С его неподвижных губ слетают неприличные слова, ноги напрасно елозят в попытке оторвать тело с насиженного места.

– Молодой человек! – наконец-то он различает строгий женский голос. —
Трамвай идет в депо. Вам плохо!?

Леня с трудом разлепляет веки, невидяще смотрит вокруг, машинально встает, с минуту держится за спинку сиденья и выходит в темноту. Под ногами стелется слегка припорошенная свежим снегом асфальтированная дорога, с которой он безотчетно сворачивает на пустырь с редким кустарником и двигается в неопределенном направлении. Перед ним пространство без видимых построек, рядом недовольно ворчат бездомные собаки. Можно считать чудом появление покосившейся деревянной избенки с двумя светящимися оконцами.

Будет не лишним отметить своеобразное воображение Лени Мухина, обостренное воздействием самогона. Он виделся себе гоголевским героем из «Вия», поэтому поднялся на высокое крыльцо, с маху пнул в трухлявую дверь сеней, хрипло выкрикнул:

– Откройте, это я – философ!

Дом отреагировал характерным скрежетом железа. Собачье рычание отразилось в сознании Лени коротким испугом. В спасительном устремлении он кинулся прочь от негостеприимной развалюхи и неожиданно увидел перед собой огромный, светящийся праздничными огнями, город. И в голове стало проясняться. Он без труда определил свое местонахождение, легко вышел к трамвайной остановке, напрасно простоял в ожидании общественного транспорта. Засомневался в успехе, хотел взглянуть на часы, а их на руке не оказалось. И ночной холод пронизывал до костей. Надо бы плотнее запахнуть пальто, а под ним не оказалось шарфика. Еще хуже – при нем не было кейса со всеми бумагами.

Неприятные открытия воспринимаются как бы со стороны, лично его не касаются. Достаточно хорошо выспаться, и все недоразумения развеются. А вещи... надо искать на свежую голову. Он не сомневается в сохранности кейса, так стоит ли отвлекаться от главной цели жизни. Вообразил себя на железной дороге —

на пути к дому, пошел строевым шагом вдоль по обочине магистральной улицы, широко размахивая руками и выкрикивая далеко в пространство: *А я по шпалам, вперед по шпалам, бреду домой по привычке*. Сказывалось полупьяное состояние, и он без счета поскальзывался на обледенелых за ночь лужах, прикрытых белой простыней снега. Однако удача сопутствовала ему. Не покалечился, не попал под колеса редких машин.

Правда ли, удача?

Понятное дело, спозаранку не здоровилось. И уж, конечно, часы показывали не раннее утро, когда Леня Мухин разомкнул глаза – приложил усилия, так сказать. Сразу вспомнились неприятные эпизоды ночного круиза и, самое печальное, внезапно постаревшая мама, просидевшая ночь на кухне в ожидании блудного сыночка. Много не спрашивала, но молчаливый упрек казался горше тяжелой оплеухи. Но, как часто случается, нет худа без добра.

Пусть его обобрали новые приятели, в чем он не сомневался, все же польза от ночного общения становилась все более очевидной. В памяти всплыли аналогичные эпизоды из жизни знаменитых писателей. Чтобы набраться жизненного материала, им приходилось часто посещать злачные места, опускаться до уровня нищих бродяг, становиться невольными участниками всевозможных приключений. На всякий случай и Леня не стал исключать для себя необходимость в бродяжничестве: представил свою фигуру, склоненной над потрепанной записной книжкой – у костра, в окружении потерянных для общества людей, и будущее представилось расцветенным фантастическими событиями.

Его уже не устраивал уютный рабочий уголок, размещенный рядом с кроватью и напичканный различной электронной аппаратурой, включая небольшой компьютер последнего года выпуска – подарок матери после возвращения сына из Армии. Тут же соседствовал стеллаж, плотно забитый справочниками и давно прочитанными книгами. Нет, это все не для него, ему хотелось неограниченных просторов и тернистых дорог.

Так что утренние, хотя и запоздалые, процедуры Леня проделал машинально – под впечатлением свежих идей и перспективных планов. Наспех проглотил пару бутербродов, запил чашкой кофе. Перед ним открывались широкие горизонты, за которыми, как бы он не изворачивался, таился светлый девичий образ. Вот с такими неоднозначными и дальновидными намерениями Мухин отправился к знакомому киоску – как основному месту, где пересекаются различные настроения и, возможно, собираются местные хулиганы; под власть одних из них он сознательно попал накануне.

Он запомнил бледное личико продавщицы, выглядывавшей в окошечко, обращенный в сторону ребятишек безразлично-пустой взгляд. Между ними сложились свойские отношения, иначе не пришлось бы слышать смелого замечания по поводу соблюдения порядка. И еще... случайно проскользнуло имя – Валентина. Благодаря ее осведомленности может представиться возможность выйти на след ночных собутыльников. Уже солнце перевалило на западную сторону двора, когда Леня оказался у киоска.

– Валя! – торопливо постучал он в закрытую ставню окна.

– Чего!?! – высунулся мясистый бурый нос незнакомой женщины. – Нет ее!

Окошко захлопнулось, а дверь с другой стороны приоткрылась, выпуская уже знакомого лидера местной шпаны – Петьку Рябова с бутылкой водки под мышкой.

– Выпить хочешь? – небрежно обронил виновник Лениных злоключений, не вынимая рук из короткой джинсовой курточки.

Предложил без какой-нибудь преамбулы, с подчеркнута нагловатой фамильярностью, без тени наигранности. Нахальная невозмутимость может кого угодно ввести в заблуждение, но Леня Мухин стремился к познанию душевных потемков, поэтому скривил в усмешке рот и пошел направо.

– Всего-то!?! Немного взамен часов, шарфика и кейса.

– Вот-те раз! – обескуражено повел головой Петька. – Когда чего тебя ограбили? Я и то сказал пацанам, негоже человека отпускать, надо бы под деревом отлежаться. Но те ни в какую... жалость проявили. Говорят, простудится, и хорошего товарища потеряем.

– И это товарищи! – озадачился Леня Мухин. Пока Петька не давал какой-нибудь зацепки, чтобы напрямую обвинить его или других ребят в хищении. – Теперь где искать... был с вами, а ушел без кейса.

– Зайдем к *Слизняку*. Может, он чего знает.

Леня уже заметил, что прозвища присваивались исключительно по психологическим особенностям ребятишек, и рассчитывать на искренность и честность не приходилось, но и сдаваться не в его характере. Еще не хватало, чтобы всякие слизняки рылись в его личных бумагах.

Названным адресатом являлся не кто иной, как самый плюгавенький паренек с постоянно шмыгающим носом и занозистой речью. С его *сбрэндил* началось знакомство с местной шпаной. Укусит и спрячется за спину жожака, а кто про что – уже и концов не сыщешь. Именно к *Слизняку* направился Петька, от него не отставал незадачливый исследователь человеческих душ.

Петька задрал голову к четвертому этажу, дунул между сложенных ладоней. Импровизированный паровозный гудок вмиг распахнул окно с отраженными в стеклах небесами. Показался *Слизняк*, посмотрел вниз, оглянулся на комнату, потом кивнул Петьке всклокоченной головой и вновь закрыл окно. Долго ждать не пришлось.

– Принес черт спозаранку, – кашлянул он в кулак, выходя из подъезда.

Легко можно догадаться, по какому распорядку жил *Слизняк*. Для него день только начинался – в то время, как нормальный обыватель в какой-нибудь конторе нетерпеливо посматривал на часы, дожидаясь окончания рабочего дня.

– Вот! – Петька скосил глаза в сторону Мухина. – Вещи потерял.

– А-а, дак это ты посеял. А я принес чемодан и думаю, с какой стати мне подфартило. Могу щас отдать, дак чо мне перепадет? Небось, проценты полагаются.

Сцена разыгрывалась, как в хорошо отрепетированном спектакле. Нет никаких сомнений, ребята в мошенничестве не профаны, сейчас в своей привычной манере решали, как поступить с Мухиным. Сколько не возмущайся, слушая наглуую ложь, только противопоставить нечего. И сохранялась презумпция невиновности, о чем, конечно, знали ребята.

– Как можно! – лицемерно закатил глаза Петька. – Он, можно сказать, побратался с нами, а ты о процентах балакаешь.

– Я так, к слову, – сконфузился *Слизняк*, включаясь в новый сценарий. – Щас принесу.

Умело импровизированная концовка никого не могла бы оставить равнодушным. Леня Мухин – не исключение, решил подыграть ребятишкам: в порыве благодарности обнял Слизняка, протянул руку Петьке. Набрал воздуха, а слов не нашлось. Они уж было засомневались в его искренности, недоверчиво переглянулись, но Леня светился неподдельно. И как иначе, если возвращался кейс со всеми бумагами.

– Чего уж там! – растопырил пальцы Петька, великодушно протягивая руку.

К немалой радости Леонида, содержание кейса не уменьшилось. Главное, записи на месте, имеющиеся фотографии поблескивали прежним глянцем. О шарфике и часах он даже не заикался.

– Ну, я пошел! – воспрял он духом.

– А это каким собакам оставлять? – Петька вытащил из-за пазухи бутылку.

Леня Мухин испуганно отстранился, но успел поймать усмешливый взгляд *Слизняка*. Игра продолжалась, на успех рассчитывать рано. Знать бы, чего добиваются ребята, но если учесть уже имевшийся и вновь обретенный опыт, то Мухин быстро адаптировался в новых для себя обстоятельствах. Пусть утрачены часы и шарфик, но появились свежие знания о человеческой психологии и, несмотря на изворотливость ребят, первые вехи в журналистском расследовании.

– По душе вы мне, ребята, я бы с радостью выпил, но не сейчас. Предстоит утомительная работа по сбору информации, связанной с гибелью Казакевича.

– Как знаешь, – уже равнодушно выдохнул Рябов. – А то приходи, когда чего накопишь.

– Если повезет, – с сомнением в голосе пообещал Мухин, в душе посмеиваясь над наивностью лидера местной шпаны.

Он вовремя подключился к игре, сам оценил свои способности и по привычке вообразил себя талантливым сыщиком, попадающим в неординарные обстоятельства. Ему сопутствуют увлекательные приключения, в данном случае – при участии чистосердечной девушки с небесным взглядом, Татьяны. Смотрел на свои поступки как бы со стороны и с удовольствием отмечал, что с первой встречи удачно вошел в образ рассеянного несобранного интеллигента, нашел общий язык с девушкой, ничего не обещая и оставляя надежду... на что? Святая наивность! Неужто он понятия не имеет об ущербности человеческой природы? Не могла она остаться в стороне от местной шпаны. Росли в одном дворе, общались, участвовали в совместных играх. А чем объясняется их общий интерес к постороннему человеку и присвоение чужого кейса? Есть над чем поразмышлять. А ее стремление отвлечь его от главной задачи, поставленной главным редактором... Если состоялся предварительный стговор, то надо торопиться, пока противостояние не обрело крупномасштабную психологическую атаку. Физическое воздействие на него тоже не исключается. Вряд ли они догадываются, какой неповторимый по остроте привкус обретает такое простое, на первый взгляд, журналистское

расследование. Заинтересованность девушки темой исследований Мухина и общение с ней придают его деятельности дипломатическую изысканность. И все благодаря организованному противодействию.

II

Как он не стремился к объективности, все равно сказывались ослепительная весна, обворожительная улыбка Татьяны и, конечно, эротические сны. Девушка, расправляющая тончайшее кружево, не выходит из головы, аккумулирует вселенскую нежность, призывает к реализации лучших мужских достоинств. Не мудрено, что объектом для тайного поклонения становится новая знакомая, по всем параметрам подходившая Мухину, а возникший во время поездки в «Икарусе» образ рассматривается как предчувствие романтического открытия. Предчувствия могут сопутствовать всю жизнь, но в действительности Леня считает себя недостойным прекрасного нежно-трогательного мира, каким ему представляется Татьяна. Поэтому он наслаждается ее присутствием, но желание общаться с ней пытается свести к профессиональным интересам, в данном случае – к выполнению задания, выданного главным редактором газеты.

Несмотря на дружелюбное к нему отношение, появлялась расхолаживающая в его ситуации неуверенность в избранном пути для получения достоверной информации. Например, трудно сомневаться в искренности Татьяны, но ее суждения о людях преломлялись через фактор воспитания и личное мировосприятие. Еще хуже обстояли дела с дворовой группировкой, несомненно – криминальной. Опять же поражала виртуозная изобретательность в жульничестве. В голову не придет напрямую обвинить ребят в умышленном присвоении часов или шарфика, их сочувствие проявляется в подчеркнуто благородных жестах: вернули кейс, не отказывают в дружбе. В результате все выглядит внешне пристойно, но люди с постоянством злой эпидемии отдают богу души. Подозрения можно считать надуманными, но интуиция подсказывала, что по счастливой случайности Лене Мухину повезло: он ухватился за конец клубка, который можно раскручивать. Получилось то, к чему он подсознательно стремился – есть серьезное основание встречаться с Татьяной. И связывает ли ее что-нибудь с Петькой Рябовым?

В практике известны люди исключительные, являющиеся своего рода совершенными детекторами лжи, чувствующие малейшие движения души любого собеседника. Имеются в виду не обученные профессиональные психологи, а вполне естественные самородки – от бога. Как только внимание переключилось на девушку, Леня Мухин вспомнил, когда ощутил в ее поведении сбой. Беседа на стволе поваленного тополя, длившаяся чуть больше часа, могла пройти как единая песня, но произошло едва заметное смятение при упоминании Андрея Кости. В памяти всплывали детали, способные с первого взгляда насторожить любого специалиста по психологии, но не Мухина – ведь он не задумывался о своих сенсорных способностях, а спонтанно создавал, как ему казалось, всего лишь правдоподобную литературную версию драматических событий – возможно, далекой от реально происшедших трагедий.

Он не задумывался над истинными причинами своей одержимости, но последовавшие выводы нуждались в немедленном подтверждении, чтобы при этом обязательно смотреть в безоблачные глазки девушки, проникаться через речь в ее душу, ощущать дыхание и пульс. И внештатный корреспондент помчался по уже известному адресу. Пересек двор и оказался рядом с Евдокией Никитичной. Если бы не метла в руке, можно подумать, специально поджидала у подъезда, зорким оком оценивая допустимую невоспитанность ребятишек, оставляющих где попало бумагу и палки. Хотя не сразу, но Мухин понял исключительную важность для местных жителей присутствие дворничихи. И дело не в особой почтительности, проявляющейся в общении с ней, а в ее уверенности и хозяйской деловитости.

Трудно поверить, чтобы Евдокия Никитична когда-то была юной барышней, и вместо прокуренных зубов блистала лучезарная улыбка, а гибкий стан увлекал в вихре вальса завсегдаев танцплощадок. Вне всяких сомнений, она принимала участие в прогулках под луной;

наконец, целовалась с парнями – являлась объектом их домогательств. Со временем черты лица огрубели от переживаний и природных стихий, возраст выбелил добрую часть некогда темных волос, и – почти нет морщин. Вечная маска невозмутимости. Как сопутствующий элемент ее имиджа – не угасающая сигарета во рту. Никогда не улыбается, смотрит пустынно. И в душе пустыня? Всегда на посту.

– Тетя Дуся, могу увидеть вашу внучку?

Не шелохнулась, но внимательный взгляд обладал материальностью – Леня старался движениями мышц отцепиться от его жесткости, обрести внутреннюю свободу и понимал свою неспособность противостоять направленной воле старой женщины. Молчание дворничихи передавало массу вопросов, на которые она, должно быть, интуитивно получала ответы. Ничто в лице не изменилось.

– Что надумал, не знаю. По мне, так лучше бы оставил девку в покое. У нее экзамены на носу, хватит одного года пропавшего. – Проще, не вынимая сигареты из сжатого рта. – Но ежели хочет, ее дело – принуждать не стану. Позвони в четвертую.

Не очень-то доброжелательный прием, но и рассчитывать на лучшее отношение повода не находилось, в глазах старшего поколения молодежь дискредитировала себя окончательно. А все же не прогнала, и Мухин быстренько юркнул в подъезд, пока суровая бабулька не передумала. Несмотря на естественную робость перед, как ему казалось, одушевленной квартирой, поторопился нажать кнопку звонка. Также быстро распахнулась дверь.

– Ой! – Татьяна запоздало прикрыла грудь ладошками, уже и так укрытую простенькимситцевым халатиком, испуганно отпрянула внутрь. – Я думала, бабушка... Вы ко мне?

Их объединяло огромное дышащее пространство – живой организм с единой кровеносной системой и общим сердцем. Сладостно-приятное ощущение безмерного счастья настигло внезапно, парализовало, ослепило, затуманило, лишило дара речи.

– Я... я... – выдавил он, пытаясь обрести себя.

– Конечно, вы... вы... – И она рассмеялась. – Проходите, я сейчас.

Ей проще, она – девушка, привыкла к поклонению, знает себе цену. Убедилась в своем превосходстве, миг обрела легкость и непринужденность.

– Могу предложить чай. Или кофе?

– Нет, я ненадолго, – покраснел при неожиданном радушии Леня.

Уже не стремится упаковаться от стороннего взгляда, демонстрирует лебединую шею с беломраморной кожей, затанцевали на румяных щечках смешливые ямочки. С такой не справиться, не покорить. Провела мимо стоящего в коридоре велосипеда, в комнате забралась на диван, ноги поджала. Внимательно разглядывает – в первый раз всерьез обратила внимание или по-новому оценивает.

– Костя Андреев... мне показалось, вы с ним больше близки, чем стараетесь мне показать.

– Ну, прямо! – с показным равнодушием отреагировала она.

– Можно не замечать человека, но вы специально подчеркиваете свое безразличие. К чему бы это?

Он мог только удивляться ее выдержке. Никак не проявила своего беспокойства, разве что на беломраморном лбу обозначились характерные складки.

– Никогда бы не подумала, каким причудливым образом создается впечатление о человеке, – раздумчиво отметила она. – Надо последить за своим поведением. Я так думаю.

Леня взгляделся пристальней, но ничего не заметил похожего на лукавство или иронию. Девушка действительно делала выводы, благодарна ему за откровенность. Встала, подошла, наклонилась, прошептала в ухо насмешливым голосом:

– У вас, наверное, большой опыт в общении с девушками и... безмерная фантазия.

– Как сказать... – замялся Леня. – Двор небольшой, и ваша показная холодность бросается в глаза. Естественно предположить более тесные отношения.

– Вы правы, – мягко отстранилась девушка. – Началось с общей песочницы, но мы выросли, и мои отношения с ним стали более осмотрительными, чтобы не давать повода для напрасных мечтаний.

– А те ребята, что трутся у ларька...

– У них своя жизнь, стараются не попадаться. Тут ведь участковый – всех знает. Чуть что, он сразу к Петьке Рябову. Тот всем заправляет, ему ни к чему неприятности. Благодаря ему у нас нет наркоманов, драк – тоже. В других местах хулиганят, но здесь случаев с приводом в милицию не замечено.

– Можно подумать, двор коммунистического братства, а люди погибли по причине космических катаклизмов.

– Почему бы и нет. Зимой Пендюхин свалился с балкона, никому в голову не пришло искать криминал. Мало ли как получилось... Все заледенело, хотел что-то исправить и мог поскользнуться... я так думаю. Был на виду, все его знали, как облупленного, боялись. Что в голову взбредет... у Назаровского собаку убил. Бегала, хвостом виляла, а он ее в сердце ножичком. Виктор Васильевич даже в милицию обращался, но позже простил. Говорит, богом обижен, лечить надо. Сам-то он психиатр.

– И лечил?

– Лечил... не видела, чтобы симпатизировали друг другу. И не здоровались вовсе. Виктора Васильевича понять можно, и собаку жалко. А все равно общались – жили на одной площадке. Так всегда – виноват один Борис, но всякие изменения в его судьбе влияли на других людей. Он по глупости, а почему хорошие люди обязаны страдать?

Девушка увлеклась гуманистическими идеями, ее глаза вдохновенно разгорелись, и Мухин невольно залюбовался их чистотой и ее светлыми помыслами. Конечно, в его восприятии нельзя исключать несомненную привлекательность собеседницы. Для своего возраста она была само совершенство. А смягченная угловатость в движениях, эмоциональная порывистость только подчеркивали происходящую динамику ее женского созревания и... непорочность. У любого нормального парня в ее присутствии могут поплыть мозги, про Мухина и говорить нечего – при ней он остро чувствовал собственную неполноценность, проклинал навязанные природой сексуальные инстинкты.

– Вижу, вам трудно меня понять, – продолжила она. – И все же напрашиваюсь в помощницы. При условии, что вы не станете проникать в личную жизнь. Всех нельзя пересажать, а люди грешны от рождения.

– Я рад, что вы разбираетесь в психологии, но читателям нет дела до ваших прокламаций – их интересует истинная подоснова событий, то есть недоступная для простого обывателя причина. А испорченная природа человека... есть воспитание и правила общежития – их никто не отменял.

– Это вы так думаете, потому что испугались трудностей, вам нужны готовые факты. По мне, намного интересней фантазировать, придумывать всевозможные развлекательные версии, чем доискиваться истинной первопричины неблагоприятных поступков. А вы с Петькой напились, увлекшись внешними конкретными факторами. Искали преступников, что ли? И ничего хорошего.

– Как вы узнали!? – неприятно изумился внештатный корреспондент, покрываясь стыдливым румянцем.

– Чего уж проще! Бабуля рассказала – все происходит у нее на глазах.

– Тогда пусть назовет виновников смерти Казакевича, – нашел повод съязвить посрамленный Леня Мухин.

– Зачем?

– Ради торжества справедливости! – не задумываясь, выпалил он.

– Ну, прямо... справедливость. Людей надо любить такими, какие они есть.

– Убийц и насильников? Я познакомился с вашими шалопаями, а в итоге остался без часов и шарфа. И вы туда же.

– Я не могу с вами разговаривать, вы хуже многих, – подавленно опустила голову Татьяна. – Другие перенесли страдания и стали терпимей. Теперь вижу, у вас ничего не получится.

– Я еще и виноват!? Невинные люди погибают, а я не имею права возмутиться.

– Успокойтесь, невиновных людей не бывает.

Любопытно устроена человеческая психология. Только что Леня считал себя перспективным журналистом, а после короткой беседы с девушкой потерял стимул к творчеству, его деятельность стала казаться бессмысленной тратой времени. Он подумал об огромном количестве глупых книг, которыми зачитываются глупые люди. Еще есть литературные критики, претендующие на объективность своих высказываний. Мировая история полна абсурда. Завоеватели Македонский и Наполеон – эти убийцы в огромнейшем масштабе, благодаря бездушным исследователям стали величайшими полководцами, а сказочники Ульянов и Шикльгрюбер для воплощения своих фантазий и удовлетворения собственных амбиций тоже увлекли на смерть миллионы наивных людей. Неважно, насколько правильны суждения современных политиков, главное – чтобы казались убедительными. Казались!? В итоге у власти стоят политические проходимцы или чистой воды авантюристы, а им подчиняется неосведомленный и доверчивый народ. И всюду смерть.

Подумал так и вздрогнул от легкого прикосновения влажных губ, скользящих по его шее и лицу. Он оцепенел, боясь развеять приятное наваждение. Поднял на нее глаза и встретился с излучаемым теплом – ясным и понимающим. Такого стерпеть невозможно.

– Мы обязательно договорим, – поднялся он. – Надо еще пообщаться с Рябовым.

Она никак не отреагировала на его обещание, молча проводила до выхода, также, без слов, кивнула на прощание. У подъезда его поджидала Евдокия Никитична. Окинула изучающим взглядом – конечно же, в поисках разительных перемен. Понятно, доверяла внучке, но оберегала от неприятностей. С метлой в руке пошла домой. Могла бы многое рассказать, да профессия не позволяет – как хороший священник, хранит тайны исповедей.

В сгущающихся сумерках двор выглядит пустым и безжизненным, если не считать заблудшей собаки и отдаленных голосов невидимых ребятишек. Самое время для встречи с местной шпаной и беседы с их лидером – Петькой Рябовым, когда никто не мешает. Мухин имеет моральное право на откровенные ответы, хотя бы в отместку за похищенные часы.

Прежде всего, надо собраться с мыслями, и Леня Мухин направился к поваленному тополю и гостеприимно раскинувшимся ветвям – месту незабываемой беседы с Танюшей. Уже приближаясь, услышал негромкий, малопонятный из-за скрытого смысла, писклявый говорок, не оставляющий сомнений в его принадлежности.

– Чего остановился! – донесся резкий голос Петьки. – Мы тебя давно поджидаем.

По интонациям о доброжелательстве не могло быть и речи, два паренька настроены агрессивно. Но подвинулись, освобождая место на отполированном стволе тополя.

– Я и сам хотел с тобой поговорить, – с показным спокойствием присел Мухин. – Пообщался с Татьяной, но мало продвинулся.

– Хочешь добрый совет? – Рябов повернулся к *Слизняку*. – Ладно, иди домой, у нас мужской разговор.

– Дак рано еще, – попытался задержаться любопытный паренек.

– Иди! – остановил возражения Петька, продолжил, глядя в след приятелю: – Чего от Таньки надо?

– Хорошая девушка – помогает.

– Не знаю, чего ты там вообразил... у Тараскиной в голове другое, и бабка у нее строгая.
– Я собираю информацию для газеты и не вижу разницы между тобой и другими... и Татьяной – тоже.

– Чего хочешь знать? Тут все про всех знают. А девчонку оставь в покое!

Надо бы возмутиться наглым требованием, но Мухин в очередной раз увидел большие возможности проникнуть в скрытую жизнь двора. Собственно, на это намекал ревнивый парень – лишь бы избавиться от непрошеного корреспондента. Терзается в сомнениях, машинально ветки обламывает, ботинками нервно стучит.

– Все про всех... К кому я могу обратиться в первую очередь?

– Есть тут писака один... Алексеев... еще и почтальон, хорошо меж собой гуторят – к ним бы шел. Вообще-то сам удивляюсь, Сергей Петрович – замкнутый человек, неразговорчивый, порой слова не скажет, полный контраст жене. Та ведь что... сумасшедшая, лезет, куда не просят – ну, как ты. Их давно знают, с Мариной никто не дружит: наврет что-нибудь, а Сергей Петрович...

– У него откуда сведения?

– Пишет он, вот и присматривается, за женой следит...

– Дикая штучка?

– Ага, – понял о ком речь идет Рябов, – если не хуже.

– Не пойму.

– Думаешь, кто чего понимает. Только с виду всякий хороший, а коснись ближе – с души воротит. Перекинулся с Витькой парой слов...

– А Витька...

– Зять ихний. Обещался он с завода принести ножовочное полотно. Сам слесарит. Ну вот, а я в журнале присмотрел кинжал, хотел сделать точно такой же. Так Маринка подслушала, схватила Витьку за шиворот, на меня глянула – мороз по коже. Теперь Витька с ихней дочкой квартиру снимают.

Из обрывочных высказываний Рябова складывалась не очень привлекательная картина семейных отношений, но и только. О конфликтах в семье писателя Татьяна тоже упоминала. Парень всеми силами старается отвести внимание Мухина от девушки. Понятное желание, не требующее дополнительных разъяснений.

– Как зовут почтальона?

– Иван Быстров. Сам по себе он тоже не разговорчивый. С ним никто не связывается – он в округе самый сильный, знает он про всех. И каждая собака его знает.

– С чего ты взял?

– Не знаю, – пожал плечами. – Сразу видно, когда чего делает.

– Да кто он такой!? Все горазды хвалить.

– Пацаны говорили, откуда-то приехал, квартиру купил... Чего пристал!

– И это все, что можешь сказать?

– Отстань от девчонки! – В руках Петьки угрожающе хрустнула толстая ветка.

Бесполезно возражать, но и соглашаться никак не хотелось. Парень настроен решительно, будет чинить препятствия – это уж точно. А если замешен в гибели Казакевича...

– Я подумаю. – Леня Мухин посчитал разговор исчерпанным и оставил Рябова со всеми его пресловутыми правами на девичье сердце.

Вышел из укрытия и удивился освещенности двора. Посмотрел вверх, а там среди ярких звездочек месяц повис – совсем как у Гоголя на хуторе близ Диканьки. Вот ведь обратил внимание, зато в квартире у дворничихи ничего не видел, кроме девушки. В каком окружении она живет... теперь случая не представится. Ничего не говорила о почтальоне.

Несмотря на сквозящую в речах Петьки предубежденность, личность почтальона заинтересовала Мухина. Сама профессия предполагает осведомленность Быстрова в отношениях

многочисленных семейств, с которыми приходится общаться по делам службы, серьезные конфликты не могли пройти мимо его внимания. Подробнее Рябов не стал распространяться, хотя его убеждение по поводу физического превосходства почтальона наводило на размышления: возможно, существовала какая-то тайна, связывающая его с местными ребятишками. Также немаловажны беспокойство и суета вокруг Татьяны. Так или иначе все жители двора объединились в обособленные группы. Знать бы еще, по каким признакам или интересам. Строго выдерживается дистанция. Обнадеживающий подход к решению поставленной задачи, сулящий неожиданные открытия.

Итак, почтальон?

Он увидел романтику. Есть множество людей, без всякого энтузиазма выполняющих повседневную работу, получающих удовольствие только при подсчете заработка, а Иван Быстров расширил рамки своей деятельности и выделил притягательную цель – возможность постигать тайны, недоступные для других профессий. Тайны завораживали, к ним он устремлялся. Вовремя вспомнил братьев Знаменских, ставших знаменитыми бегунами в результате рабочей необходимости. Не обязательно тихоходом передвигаться по жилищным задворкам, и он в первый же день оделся по-спортивному, надел легкие кроссовки. И... работа превратилась в увлекательный процесс.

Сначала не все шло гладко, но не прекращалось восхождение на вершину. Вершину чего!? Ответ терялся в дебрях импульсивных образов, но Быстров знал: ответ найдется. Главное – бежать, бежать... Хотя в минуты спокойных размышлений появлялись сомнения в своей нормальности. Например, живут люди и воспринимают жизнь как естественную смену труда, отдыха и развлечений. Очень простое решение жизненного кроссворда: деньги дают материальную основу для остальных составляющих. И вдруг – открытие. Оказывается, человечество ошибается в принципе, рассматривая трудовую деятельность как путь к самоутверждению. Осознание своего *Я* происходит в воссоединении с вселенской идеей – это и есть неутомимое, осознанное и все более захватывающее движение к вершине. Сама деятельность, если не помешаться на деньгах, позволяет размышлять, осмысливать бытие свое и людей, с которыми приходится общаться в процессе работы.

Квартира №6 в угловом доме запомнилась с первой встречи с хозяином. Сочувствие? Приоткрытая дверь. Пожилой благообразный человек с тяжелыми, как и очки, чертами лица мнет в руках полученный по заказу журнал, одновременно оценивает Быстрова пытливым взглядом. Виноватым голосом пытается разрешить конфликт, затеянный его женой.

– Подумаешь, газета. Ну, выгащили ребятишки. Из-за баловства. Пальчики тонкие, легко проходят в почтовый ящик.

– Какие пальчики! – не унимается жена, привлекательная, не старая брюнетка с черным испепеляющим взглядом. Массивным телом старается отеснить мужа. – Они специально не кладут газеты, потом перепродают.

Иван понимает смущение человека, живущего бок о бок с женщиной, далекой от общечеловеческой любви. Милосердие и доброта для нее являются надуманными понятиями, и жизнь представляется из череды завоеваний. Чего и зачем – остается догадываться.

– Могу предложить взамен бесплатные газеты, вот специально принес.

– Что толку в бесплатных газетах! – еще больше обозляется женщина, размахивая правой рукой, как топором. – В них дурацкая реклама и несколько грязных анекдотов. Ну, еще парочка глупых статей, перепечатанных из других газет.

– Значит, могут заменить потерю.

От явной насмешки она теряет дар речи, переводит остекленевший взгляд с почтальона на мужа и обратно, круто поворачивается и захлопывает за собой дверь, оставив обоих на лестничной площадке. Судя по нервозности, торопилась на кухню, откуда запахло жареным.

– Вы не огорчайтесь, – спешит успокоить Быстрова благовоспитанный хозяин. – Пошумит, но жаловаться не станет. Характер такой.

Позже Иван ближе познакомился с Сергеем Петровичем – конечно, благодаря зловредности его жены. Чтобы избежать повторных конфликтов, он не клал газеты в ящик, а поднимался на второй этаж, звонил, встречался с подслеповатым взглядом, молча протягивал почту. И Сергей Петрович однажды расчувствовался.

– Как вас зовут, мил человек?

– Иван. Можно на *ты*.

– Вижу, ты добрый человек. В наше время не приходится рассчитывать на добропорядочность, и твое рвение, Ваня, очень похвально, можно отнести к исключению. Понимаешь ли, трудно ладить с людьми, они разные – нередко приходится выслушивать хамство. Так?

– Да, – кивнул не лишенный отзывчивости Иван. – Но мне нравится.

– Вот! – мгновенно оживился Сергей Петрович. – И я так считаю. Проходи, есть чем угостить. Можно и винцо. Что мнешься – вижу, не девица.

– А...

– Ее нет, в поликлинике она.

Иван отбросил понятные и обоснованные опасения, шагнул в квартиру. Ему сразу понравилась духовная атмосфера, в которую никак не вписывалась скандальная женщина.

– Не верится, чтобы одна ваша супруга могла в такой опрятности содержать квартиру, – деликатно резюмировал он.

– Она не при чем, – отмахнулся хозяин. – Приборка – это моя прерогатива. Я работаю исключительно дома – занимаюсь литературными опытами, если можно так выразиться. Дочь плохо понимала, а жена... Им нужны деньги, а я хочу жить в согласии со своей совестью. Понимаешь? – Он сверкнул на Ивана стеклами очков, тут же благодушно добавил: – Садись, куда удобнее. Расскажи о себе. Например, чем тебя привлекает работа. У нас немногие рискуют заниматься любимым делом. Обычно для души есть хобби, э-хе-хе.

Странно выглядела веселость Сергея Петровича при его зависимости от настроения жены, но Быстров разомлел от бархатного стелющего голоса, мечтательно смотрел в чашку с дымящимся кофе, легко воспринимал проникновенную речь. Проникновенная? Конечно, Сергей Петрович естественным образом старался заглянуть в душу собеседника, поковыряться там, как если бы имел дело с собственной библиотекой.

– Не задумывался, получилось само собой. По утрам бегал... много. Решил то же самое делать за вознаграждение.

– Умно! – еще больше развеселился Сергей Петрович. – А как насчет карьеры? Жизнь-то молодая.

– Карьера... пока не задумывался. Живу, как дышится. Никому дорогу не перегораживаю, и меня не трогают. Попутно изучаю психологию, пытаюсь передать изобразительными средствами.

– Ничего, могу помочь определиться. Ты заходи почаще, вместе покумекаем.

– Простите, работа!

– Ну вот, заладил. Смотри шире! Общение является частью твоей работы. Представь... добро почтой... Хорошо звучит?

– Еще как!

– Вот и заходи. А жена... Марина из другого мира, мне ее жаль... я всех жалею. Дочь такая же. С пеленок занимался, вкладывал душу.

Несомненно, тема дочери здорово беспокоила Сергея Петровича, при ее упоминании на глазах проступили слезы, а речь обрела трогательные интонации, стала заметно тяжеловесней.

– Вам то что!? Дочь – самостоятельная женщина, живет своей жизнью.

– Не скажи! Впрочем, ничего удивительного. Когда вложишь душу, то каждый ее шаг станешь выверять по собственным ощущениям. А, что там! Иногда приходится сожалеть о потерянных годах и бесплодных дежниях.

– Не верю в бесплодность. Скоро или чуть позднее появятся благодатные всходы.

– Эх, мил человек! И я надеюсь – этим и живу. Стоп! – Сергей Петрович снял тяжеловесные очки, двумя пальцами помассировал переносицу, посмотрел поверх головы Быстрова. – Любишь книги читать?

– Как всякий человек.

– Я не о том! – Он решительно поднялся. – Подойди сюда. Видишь, полки заставлены. А есть маленькая полочка – особенная. И книжонки не простые.

Так вот, шаг за шагом, Сергей Петрович вызывал все больший интерес у Быстрова. Иначе и не могло произойти – как говорится, на ловца и зверь бежит. Его замечание по поводу сущности профессии почтальона попало в десятку. Разве не с этой целью Иван Быстров пошел на низкооплачиваемую работу? Спорт спортом, а дома у почтальона всегда в рабочем состоянии мольберт, и краски разложены в боевой готовности, тут же пачка чистой бумаги. За короткий период деятельности накопилась кипа портретных зарисовок, любопытных своей психологической направленностью.

– У меня собралась хорошая коллекция книг по различной тематике, – продолжал Сергей Петрович. – Вот эта, например, «Путешествие на «Каллисто» Олега Игнатьева ничего тебе не говорит?

– Наверно, познавательная книжка.

– Не то слово. Взгляни! – Хозяин открыл титульный лист. – Видишь? *Елене от Олега Игнатьева*. И подпись автора и год 1988. Что скажешь?.. Книга не моя, и таких много. Рядом – «Карач—Мурза» Михаила Каратаева... правда, не с авторским автографом.

– Как они попали к вам?

– Вот! У меня своеобразный интерес... В мусорных баках не копаюсь, но книги вижу издавека. А эту, – Сергей Петрович выдернул из примечательного ряда сверкающий суперобложкой объемистый томик детективов. – Очистил от пищевых отходов, когда сам выносил мусор. Нет дарственной надписи, но и без нее ощущается история. Потрогай!.. Исходит тепло.

– Вы меня покорили, – признался Быстров, глядя на оживленного собеседника, протирающего носовым платком вспотевшие очки. – Семья может вами гордиться.

– А! Называют мусорщиком, да уж я привык.

Расстались они друзьями, крепко пожимая руки с обещаниями продолжить взаимноинтересную беседу. И когда Иван пришел в свою квартиру, то в первую очередь кинулся к мольберту, попытался в экспромте отразить первое впечатление от общения с неприметным, но удивительным человеком с богатым духовным миром. Как он не старался, не мог достичь сходства, изображение выходило карикатурным, лишенным поэтической одухотворенности. Не получалось целостного психологического образа. Как истинный художник, пусть неосознанно, Быстров почувствовал за внешней благопристойностью Сергея Петровича скрытый от внешнего взгляда иной мир, скорее всего – не очень привлекательный. И он загорелся непреодолимым желанием разгадать психологический ребус, иначе работа почтальона теряет духовно притягательную познавательность.

Ребус?

Близился новый год, но не чувствовалось предпраздничного настроения – всему виной отсутствие снега и сильные заморозки, из-за которых откладывались работы по художественному оформлению города. Присутствие в заиндевевшем городском пейзаже легко одетого почтальона в некотором смысле поднимало жизненный тонус горожан, но вызывало неоднозначные улыбки.

– Слушай! – встал на его пути плотно упакованный в шубу долговязый, еще не старый, трясущийся мужичок. – Ты сделал вызов зиме. Постой...

Без сомнения, не мерзнувший и не унывающий почтальон благоприятно влиял на всеобщее настроение, своим появлением приближал долгожданный праздник. Естественным образом шутивное замечание человека в шубе вызвало идею воспользоваться гостеприимством Сергея Петровича, перекинуться парой слов, заодно сделать перерыв в профессиональном марафоне. Поднялся к двери разгоряченный, окутанный инеем и паром, опустил руку на звонок. В квартире слышался приглушенный голос хозяина, но шаги... энергетика... И дверь нервно вздрогнула.

– Вам чего надо!?! – Марина скривила крашенный рот. – Его нет!

– Как нет... я слышу.

– Чего тебе надо!?! – Она переступила порог, прикрыла за собой дверь и процедила: – Если придешь к Сергею... ну, еще хотя бы раз, я пойду на почту, и тебе мало не покажется.

Иван громко расхохотался. Возмущение и протест жены Сергея Петровича выглядели нелепыми, и он искренне смеялся, наслаждаясь, как и полагается истинному художнику, крайней абсурдностью заявления. Так что женщина опешила, вытаращив и без того огромные глаза. Если бы не соблазнительно вздымающаяся грудь, то можно принять за умело выполненную восковую фигуру.

– Простите, вы, наверно, кушали семечки, и... Видите ли, шелуха залепила пару зубов, и мне показалось... Сами взгляните в зеркало.

Она дернулась, как если бы ее огрели крепким сыромятным ремнем, отступила назад, хлопнула дверью перед носом Быстрова. Донесся визгливый крик, потом все звуки потонули в истеричном смехе. Самый раз задуматься о психическом состоянии Марины Тихоновны. Даже не ее состояние беспокоило, а ее влияние на мужа. Невозможно противостоять женщине с непредсказуемыми поведенческими проявлениями, непогрешимой в своей самоуверенности. И некуда деться. Становилось понятным поведение самого Сергея Петровича – его пришибленность и заметно выраженная виноватость в присутствии жены. Однако и сомнения появлялись: поступки близкой ему женщины могли быть хорошо разыгранным фарсом, рассчитанным на единственного свидетеля – ее мужа. Но с какой целью?

Быстров, заинтересованный психологической обстановкой в семье Алексеевых, уже не мог остановиться на достигнутом, его работа, как он сам себе представлял, предполагает неординарные ситуации в общении с людьми, неожиданную драматургию – то, ради чего он ежедневно преодолевал большие расстояния, передавая почту в руки адресатов. Почтовая корреспонденция – сопутствующая необходимость, а непонятная агрессивность Марины Тихоновны по-настоящему интриговала. Поэтому он решил не оставлять попыток в познании ее психологии, внимательно присматривался к Алексеевым. Только получение новых знаний могло окупить все физические и моральные потери.

В погожий снегопушистый день, пересекая двор, он увидел Сергея Петровича с плетеной хозяйственной сумкой через плечо. Грустный человек выходил из подъезда, задумчиво глядя под ноги. Судя по внушительным размерам сумки, можно предположить масштабы покупок, растянутых во времени. Шальная мысль посетила Быстрова. Он, долго не раздумывая, миновал темный тамбур, в несколько прыжков преодолел два марша, позвонил в дверь знакомой квартиры. Услышав недовольное бормотанье и шлепанье домашних тапочек, на мгновение испытал безотчетный страх, намерение изменить не успел.

Дверь судорожно дернулась, и... возник искривленный рот. Похоже, злобная гримаса навсегда закрепилась в его сознании, будет преследовать в кошмарных сновидениях. Или все происходило в его гипертрофированном воображении. Возможно, Марина Тихоновна улыбалась, источая добросердечие, не вмещаемое даже в ее крупное нежное тело. И, странное дело, взгляд неожиданно смягчился, пролился теплым дождем.

– Опять ты!?

Он и ответить не успел, как очутился в прихожей, под напором ее волнующей груди свалился в проем комнаты и мелко задергался в крепких объятиях. Ее длинные черные волосы облепили его лицо, липкие прикосновения размалеванного рта свели на нет все его попытки выразить естественное возмущение и привести ее к нормам культурного общения. Наконец-то он понял драматическую подоплеку скрытности Сергея Петровича, оценил его мягкую тактичность по отношению к жене.

– Ты этого хотел!? – шипела сумасбродная женщина.

Еще не понимая эксцентричности собственного положения, он вообразил, что не две руки, а все восемь щупальцев ограничивают его свободолюбивые потуги, парализуют мыслительный процесс. Последующее осознание дикости ее поступка сопровождалось кратковременным противоборством, и влажный рот остался позади – среди книг и ароматов свежесваренного кофе. Возникали запоздалые вопросы, надо ли устраивать сомнительные эксперименты, пусть даже с благими намерениями, и как дальше общаться с Сергеем Петровичем.

Ощущение вины не покидало Быстрова, и, столкнувшись с Алексеевым при выходе из подъезда, он уклонился от рукопожатия и поторопился прочь, на ходу размазывая следы напомаженного рта. Не видел длительного блекло-стеклянного взгляда в спину.

В тот же день, вечером, переживания выплеснулись в карандашных эскизах, отражающих скорее психическое состояние самого Быстрого, чем портретное сходство с супругами Алексеевыми. Но в главном он не мог ошибиться – Марина Тихоновна является носителем неукротимой мрачной энергии, опасной в своих проявлениях и, несомненно, – привлекательной для изучения. Не случайно он с увлеченностью, достойной лучшего применения, не задумываясь о последствиях, воспользовался отсутствием Сергея Петровича, чтобы только убедиться в правильности своих предположений. Прошли сожаления, творческое вдохновение оправдывало моральные потери.

И о чем сожалеть?

Воскресные размышления и работа над эскизами не прошли напрасно, следующий день принес с собой красочность восприятия, духовную насыщенность и приятность в ожидании часа, когда он сможет опять прикоснуться к бумаге в поисках единственно правильного графического и цветового решения неповторимого образа.

Быстров автоматически сортировал газеты и письма, забыв о присутствии сотрудниц, с недоумением воспринимающих несвойственную ему деловитую отстраненность и непривычную замкнутость – и это в оживленной обстановке. Вздрыгнул, когда услышал над собой голос Александры Григорьевны.

– Ваня, как у тебя на участке, никто не жалуется? У нас ведь как... старички, многие больные, у них радости-то – вовремя получить газетку. Любят поговорить о болячках.

– Как сказать... никто не обижается.

– Зайди ко мне! – Она тут же повернулась и поторопилась к своему кабинету.

Когда Иван Быстров вошел вслед за ней, то увидел начальницу в настроении, далеком от рабочей озабоченности. Можно сказать, даже в несколько фривольной позе. Заулыбалась, движением руки показала на стул с другой стороны письменного стола.

– Я только пришла, и звонок... Знаешь ли, интересуются люди. Они ведь меня помнят с первого появления здесь, а тут позвонила Марина Алексеева... спросила о тебе и просила... Просила! Думаю, тебя не затруднит, если почту будешь отдавать ей лично в руки. Ну, вот! – Александра Григорьевна не переставала улыбаться. – Да, возьми и эту газетку – тоже передай. Я сама прочитала, а ее порадует внимание. Как-никак, женщина своеобразная – все замечает, тебя расхваливала.

Теперь Быстров обратил внимание на иронию в голосе, да и улыбка обрела хитрую змеевидность.

– Мне показалось...

– Согласна с тобой, так ведь не очень надорвешься.

– Хорошо.

Нельзя сказать, чтобы он обрадовался неожиданной просьбе Александры Григорьевны, но представлялась возможность нормализовать отношения с Алексеевой и, соответственно, не стыдиться встреч с Сергеем Петровичем. Когда покидал кабинет начальницы, спиной чувствовал ее пристальный взгляд, не оставляющий сомнений в осведомленности Александры Григорьевны относительно нездоровой психики клиентки.

Как бы в подтверждение его мыслям у подъезда повстречался Сергей Петрович. Беспокойный взгляд, полурасстегнутая старенькая дубленка и выбивающийся шарф наилучшим образом отражали семейную обстановку, чему виной, несомненно, являлась Марина Тихоновна со своим необузданным характером. Не воспринималась возможность предстать одновременно перед супругами – мучеником и его мучительницей. Неприятную окраску встрече придавал результат его последнего появления в квартире Алексеевых.

– Ты вот что... – Сергей Петрович положил руку на плечо Ивана, – не томись, а выложи, как на духу. Я вижу, у тебя с Мариной произошел эксцесс. Но ты не мучайся, выскажи, что произошло.

Иван не мог дальше терпеть незаслуженного – так ему казалось – великодушия, он убрал с плеча руку, прокашлялся и, наконец-то, выдал нелегкие слова.

– Она предает вас.

– Ну!?

– Экспансивная женщина, готовая, простите... готовая броситься на первого встречного, – экспромтом выпалил Быстров.

– И только? – безрадостно рассмеялся Сергей Петрович. – Могу представить, как она тебя напугала. А теперь советую не брать в голову и забыть. Видишь, нет у женщины тормозов... Давай-ка присядем на скамейку, понежимся на солнышке. – Он тронул ткань спортивного костюма на Быстрове. – Надеюсь, не замерзнешь.

– Как вы можете!?! – обескуражено повел головой Иван, садясь рядом. – Жить в одной квартире, делить постель...

– Прекрати! Все не просто. И мне нелегко, поверь. Для меня она – несчастная больная женщина, и живу я с ней исключительно для ее блага. И бросить не могу по причине обычной гуманности. Ты сначала выслушай, потом делай выводы.

– А надо?

– Если ты намерен и дальше работать на своем участке, тебе предстоит не раз с ней повстречаться. Она не упустит шанса, обязательно начнет тебя отслеживать, подстраивать нечаянные встречи. Твоя задача – не породить в ней глупые иллюзии, деликатно избежать конфликта.

– Что если прямо объясню?

– В ней проснется бес. – Сергей Петрович горько усмехнулся. – Убьет тебя. Я же сказал, она без тормозов... Считает себя неотразимой, а чтобы запретить...

– И что же, никакой управы?

– Управы, говоришь... лечилась она... в психушке. А так женщина нормальная, готовая к общению и милосердию. Ко всем людям тянется, не только к тебе. Часто церковь посещает. В ее восприятии мир представляется обителью всеобщей любви. Таких долго в изоляции не держат – выпустили. И что ты думаешь... После магазина вернулся, давненько это было, а она вокруг стола за Маргаритой бегаешь... с кухонным ножом. Нелегко с ней справиться...

Дочка и теперь заикается. Ей тогда семнадцать исполнилось. Как полагается, торт на столе... появлению матери обрадовалась – наивная девчонка.

– Не спроста же.

– А как же! Маргарита посмела выпроводить своего приятеля – это Виктора, значит. Видишь ли, Маринка на него глаз положила. И что ей в голову взбрело... Теперь понимаешь? У нее в сознании заложена программа, уже ничто не может изменить. При отсутствии отвлекающих факторов в любой, даже самый неподходящий, момент могут возобладать темные инстинкты.

Молчание и подавленность Быстрова указывали на его обостренное восприятие, хотя исповедальность Сергея Петровича вызвала двоякие мысли. Зачем, спрашивается, сохранять семью при существующей опасности драматической развязки. И перспективы никакой.

– Я уже смирился, – отреагировал Сергей Петрович на сочувствующий взгляд. – От судьбы не уйдешь. – Тут он совсем понизил голос, одновременно склоняясь к уху почтальона. – А знаешь, какая она бывает в сексуальных проявлениях!.. Клеопатре далеко. Ради ночи с ней жизни не жалко, а я, слава богу, разменял с ней третий десяток.

– Она такая старая!? – не сдержал удивления Быстров. – Простите, хотел сказать: в возрасте. Но какая энергия! И внешность.

– Я бы сам не дал ей больше тридцати.

По всем признакам, Сергей Петрович заразился сумасшествием – мог запросто обсуждать с посторонним человеком интимные подробности своей личной жизни, смирился с риском когда-нибудь не проснуться – в прямом смысле. Или он разыгрывает спектакль. Тогда с какой целью? В любом случае Иван окунулся в непонятные и поэтому любопытные семейные отношения, в которых присутствует своеобразная гармония, недоступная нормальным людям, а значит – желанная. Желанная? Стоило задуматься над неожиданной откровенностью Алексева. А может, они оба разыгрывают один спектакль, договорившись о разделении ролей.

– Уже то хорошо, что ваша дочь обрела свободу.

– От чего? – Сергей Петрович зашелся в клокочащем смехе; неожиданно поперхнулся и раскашлялся, прикрыв рот ладонью. – У нее наследственность. И страстей не впропорот, поэтому с Виктором живут на вулкане, никогда не расстанутся. Бабы друг дружку понимают с полвзгляда, при мне почти не разговаривают.

Из всего сказанного безмянным писателем выходило одно из двух: или он намеренно искажает семейные отношения, или у самого Сергея Петровича не все в порядке с головой. Налицо явное противоречие: с одной стороны безгласное взаимопонимание, с другой – сумасбродство Марины Тихоновны, доводящее нечастного мужа до бегства из собственной квартиры. Если Иван Быстров в начале беседы мог сомневаться в истинной подоплеке словесной авантюры Алексева, то в результате утвердился в ее целевой направленности. Почтальон становился участником событий, возникающих в больном воображении Сергея Петровича, и необходимым персонажем еще не написанной им книги, реалистичность которой подтвердит или отвергнет сам Быстров своими последующими поступками. Однако! В такой ситуации трудно определить с жертвой, и себя Иван Быстров не исключал из возможных литературных объектов для умерщвления. Охваченный творческим зудом, мысленно возвращался к мольберту, на котором продолжал конкретизироваться карикатурный образ Алексева. А Марина... почему-то образ экстравагантной женщины усложнялся и становился все более притягательным.

– Вы чего-то не договариваете.

– А!? – Сергей Петрович вернулся из своего, только ему понятного, мира, отчаянно замолтал головой. – Говорить не надо, сам все видишь. Невозможно это видеть, омерзительно это. Еще омерзительней государственная власть, допускающая омерзительность.

Его реакция не имела и тени наигранности, если побагровел, и пена смазала уголки рта. Надо выводить человека из психологического шока, иначе близко до инфаркта, а мерзость останется не конкретизированной.

– Ради бога, уточните, что имеете в виду.

– Как-нибудь в другой раз, – успокаиваясь, выдохнул Сергей Петрович. – Мил человек, не все сразу. Простенький вопрос: ты видел, чтобы действительно умные люди стучали себя в грудь, доказывая собственное превосходство? Вот! А гориллы стучат, как и полагается низкому интеллекту.

III

Как начинающий журналист Леня Мухин стал формулировать для себя наблюдаемые явления и происходящие с ним события. В его представлении есть множество людей, но нет видимой связи между ними, общение так себе – на поваленном стволе тополя под развесистыми ветвями, за партией домино за разошедшимся столом в центре двора или в привычно ежедневных приветствиях. Но, как у всяких живых организмов, существуют общие для всех глубинные корни, связывающие их на подсознательном уровне, что и определяется понятием – *общество*. А люди, безвременно ушедшие из жизни, оказались отторгнутыми, лишними в клубке человеческих судеб. На первый взгляд все выглядит пристойно. И – смерть.

По стечению обстоятельств не представлялось случая побеседовать с почтальоном, тот проживал в соседнем квартале и попадал в поле зрения мимоходом – всегда с корреспонденцией в руках или сумкой под мышкой. Спортивный костюм Быстрова с красными лампасами и такими же полосками на рукавах уже всем примелькался, стал отличительным признаком кипучей жизни двора, нерастроченной энергии и непреходящего оптимизма. Одно его появление наводило стариков на мысли о вечной молодости, поднимало настроение. Опять же в уверенности почтальона виделся ключик к пониманию психологии погибших людей. Не случайно на него указал Петька Рябов – знал или догадывался о доступе почтальона к тайникам человеческих отношений. Благодаря особенностям профессии, Иван Быстров естественным образом становился носителем не только почты, но и бесценной информации. И Мухин решился.

– Есть газета на продажу!?! – крикнул он вдогонку.

И ничего, Быстров остановился, круто повернулся, через мгновение оказался рядом.

– Вот! – Он профессиональным движением выдернул из черной холщовой сумки «Ведомости», развернулся в намерении продолжить марафон. – С программой. Читай на здоровье!

– Давно бегаешь? – попытался удержать почтальона Мухин. – Хотел бы тоже пристроиться.

– Ничего нет проще, – усмехнулся Быстров, стрельнув взглядом в нагловатого парня. – Осталось купить крепкие кроссовки.

– Я серьезно, – улыбнулся на иронию Мухин. – Ты сродни кинозвездам, все тебя знают, здороваются, советуются. На такой работе соскучиться невозможно.

– И никакого риска, – добавил Быстров.

– Это как?

– Мое общение с людьми связано с исполнением трудовых обязанностей для их личной пользы, а твоя деятельность – это нежелательное проникновение в частную жизнь в интересах неизвестно кого. Так и голову свернуть недолго. Хотя и более весомых аргументов нет, ха-ха, против смены в общем-то интересной работы.

По всему видать, он хорошо наслышан обо всех передвижениях начинающего журналиста, смотрел на парня все более заинтересованно. По разгоряченному бегом лицу прокатывались сменяющиеся эмоции, отражающие ход мыслей, как, впрочем, и сам не стоял спокойно – производил едва уловимые движения. Чтобы не остыть.

– Приходи на почту, поговорим. – Он взглянул на Мухина, набравшего воздуха, чтобы, казалось, выплеснуть все накопившиеся вопросы, жестом остановил возможный поток слов, окончательно отвернулся и трусцой побежал со двора, унося с собой пачку заказной корреспонденции и тайны местных обывателей.

– Спасибо за газету! – крикнул вслед Леня, покоробленный командирской бесцеремонностью почтальона.

С какой стороны внезапно появилась Татьяна, трудно предположить. И – нате! Стоит рядом, придерживая велосипед, побледневшая и... с холодным взглядом. Леня мог поклясться,

что минуту назад двор был пустынным, и даже Евдокия Никитична не оживляла своим присутствием в общем-то ограниченную территорию. Странно, что при скромном заработке бабушки девушка имеет шикарный импортный велосипед с крепкой расцветочной рамой. Обтягивающая нейлоновая экипировка тоже обошлась в немалые деньги, могла быть куплена только в специализированном бутике. Склонила к нему стриженную под «Каре» белокурую головку, протянула руку.

– Молчите! – Она впервые коснулась его, прикрыв ладошкой рот. – Я расскажу, а вы делайте выводы.

Он неосознанно подчинился ей: шел за радужным велосипедом, садился на облысевший ствол тополя, смотрел под ноги и удивлялся скоротечности времени. Оказывается, на деревьях набухли почки, из черно-рыжей земли брызнула сочная трава, в небесах пуще прежнего заливались жаворонки. Или ему только показалось – так долго ждал объяснения ее негодованию. Она стояла, опираясь на велосипед. Молчание затянулось.

– Я жду.

– Если бы не ваш интерес... Он клеил ко мне! – выпалила девушка. – Неужели после этого вы можете с ним разговаривать?

– Всего-то!? – рассмеялся Леня. – Я-то думал...

Татьяна с удивлением смотрела на его открытый в смехе белозубый рот и, по всей видимости, забыла о причине своего возмущения. Ее улыбка выглядела вымученной, она не могла собраться с мыслями.

– Я не о том... он пролез в личную жизнь, разрушил некоторые семьи... Заглядывает в окна. Меня видел голый, – выдохнула она и прикрыла лицо ладошками.

Повлияла эмоциональность девушки, или за словами крылось нечто большее, но Леня беспокойно заерзал, полируя и без того глянецовую поверхность импровизированной скамьи. Вроде бы ничего особенного, и слова насыщены воздухом, а упали тяжелым грузом. И нет в них убийственного смысла. Скорее всего, они порождали домыслы. Несомненно, на его воображение рассчитывала девушка. И не собиралась ничего пояснять.

– Вы ничего не сказали, – тяжело вздохнул он.

– Простите, мне стыдно признаться... он лапал меня! Перед новым годом... под видом поздравления.

Черт побери, у нее здорово получалось. Только что бледнела, гневно чеканя слова, а теперь зарделась малиновым цветом, не может связать слов.

– Не знаю, как это выглядело, но всякий нормальный парень обратит на вас внимание.

– Я не о том. Он... бисексуал, ни одного мальчишку в нашем дворе не оставляет без внимания... под видом заботливого участия.

– Да бог с ним! Нам-то что из того.

– Ничего не поняли.

Она пальчиками смахнула слезинку, отвернулась и, понуриив голову, повела свою чудо-технику к подъезду, а Леня Мухин не мог шелохнуться, в голове – хаос. Если бы он был парнем Тараскиной, то можно понять цель откровения, а так... Девушка не смогла остаться равнодушной к энергичному и умному парню, всеми силами противится обаянию почтальона, извращает его достоинства. Перед Леной распахнулась дверь, а куда ведет... и с какой целью...

– Танюша! – спохватился Мухин. Он поспешно настиг девушку, тронул за плечо.

И она остановилась, как если бы ждала этого спонтанного движения. – Вы не можете так уйти, мы с вами уже подружились.

– Вы чего еще хотите? – робко улыбнулась она

– Я готов слушать, если вы будете говорить даже вечность.

– Тогда вернемся?

Они поторопились занять уже согретое место, слегка нахохлились, как воробьишки после недолгой размолвки. Все-таки весна успешно вносила корректировки в их взаимоотношениях. Надо бы соловьем запеть, да Леня Мухин придерживался иной точки зрения – он прежде всего внештатный корреспондент, ему должна быть присуща профессиональная сдержанность.

– Я услышал только ваше личное мнение о почтальоне и, простите, – предвзятое, а Рябов напрямую указывает на Быстрова как лучшего знатока жизни вашего двора. В моей работе его нельзя игнорировать.

– Наверное, знает. Не хотела говорить, да уж придется. Ведь почтальон тоже всем глаза намозолил. Я с Костей Андреевым училась в одной школе, а мать у него несчастная женщина, природой обиженная – слегка тронутая, соблазнилась... Извините, Леня, я не так выразилась. Она, как муж ее оставил, пошла по мужикам. Ну вот... я нашла в дверях записку, что бандероль заказную можно взять у него вечером. Он ведь в соседнем дворе живет. Я туда... дверь приоткрыта. Думала, специально, чтобы не звонили. Вхожу...

коридор насквозь просматривается, и вижу в комнате сцену... Я-то сразу выбежала.

– Ничего не пойму.

– Он Ленку трахал. Она на карачках стоит, а Быстров сзади ее молотит.

– Что за фразеология! – вдруг обозлился Леня. – Занимались любовью, так и говорите.

– Нет! – покрылась пятнами Татьяна. – Все выглядело по-скотски.

– Ладно, – смягчился Леня. – Не пойму, к чему вы клоните.

– Разве мало? Все будто черви в банке – мимо не пройти. И кто сказал, что она отравилась в подвале, неизвестно с каким человеком? Нашли недвусмысленный натюрморт, а мужика никто не видел. Кто мог быть?..

– Почтальон!?

– Наконец-то сообразили. Только его причастность доказать невозможно.

– Кто ее обнаружил?

– Я говорила, поисками занимался Костя. Увидел в бойлерной на куче промасленных телогреек.

– Не верю! – взорвался Леня. – Могу согласиться с интимными отношениями, но чтобы... Зачем лазить по подвалам, имея квартиру? Меня настораживает другое... Куда не сунусь, вы тут как тут. И этот велосипед-аэроплан, он, что ли, помогает пролазить в сознание людей – делать порочащие открытия?

– Ну, прямо! – вздохнула девушка. – Думаете, другие не знают вашего почтальона. Молчат. Все уже для себя решили, но деликатно помалкивают – я так думаю. Рыльце-то у многих в пуху. А Рябов видел его ночью пьяным, наряженного и заgrimированного под немощного старика. Никто не знает, что у него на уме.

– Рябов... – вспомнил Леня замечание по поводу физических сил почтальона, а вслух добавил: – Возможно, вы правы.

– А где порядочность, искренность?

– А, так вы их проповедуете. Своим причастием к моей работе хотите навести в обществе порядок. Кажется, мы недавно говорили о неисправимости человеческой природы.

– Ваша ирония неуместна. – Татьяна построила обиженную гримаску. – Можете называть меня максималистской, но хочется разобраться... Какие-то внутренние пружины движут людьми. И по радио говорят о победе над фашистской Германией, а что заставило миллионы людей воевать друг против друга – не пойму. Представьте, у всех дети. Только политики оперируют не людьми, а какими-то схемами – я так думаю, им порядочность чужда.

Невозможно возразить, и возмущение девушки кажется искренним – персиковый румянец не сходит с лица. Именно такой он воспринимал непорочную юность. Но Леня не имеет права попадать под влияние личного обаяния, существует объективная реальность, с которой надо считаться. И он невозмутимо резюмирует:

– Сочувствую вам.

– Мне!?

– Я только хотел... трудно вам, – заторопился он. – Вы прекрасная девушка, но истина дороже! Таня, мы не договорили...

Нет, ее не остановить. Девушка замкнулась, печально созерцая тусклые окна пятиэтажек. Непродолжительно. Поднялась и пошла прочь. Забыла о велосипеде, приставленном к дереву. Конечно, можно пренебречь кошачьими радостями, не отвлекаться на персиковый румянец и самостоятельно заниматься расследованием, но ее присутствие вдохновляет его – с этим невозможно не согласиться. И духовная близость несомненная. Как не приходится изворачиваться, с участием девушки работа становится содержательнее и значительно привлекательнее. Не случайно Анатолий Евгеньевич заметил в нем следовательскую жилку и свойственную ему увлеченность, поэтому предложил необычную работу. Звонил не часто, но проявлял профессиональный интерес.

Напрасно поверил руководитель, если с уходом девушки Мухин ощутил себя в тупике, точнее – испытал полный простор, когда нет опоры для движения вперед. Чем серьезней он вникал в межличностные отношения, тем больше увязал в человеческой психологии и не видел финиша. Если он будет изучать людей и писать до бесконечности, и то его труд окажется песчинкой на бескрайнем берегу истинного знания. Писал же Бальзак «Человеческую комедию». И что? Новая эпоха, другие люди. И все же не надо отчаиваться. Как в искусстве, так и в человеческой природе есть четкие законы, по которым складываются поступки, развивается история – многогранная жизнь. В силах Мухина коснуться одной, пусть бы и малюсенькой, грани и внимательно ее рассмотреть. И библейские проповеди здесь не при чем, хотя есть святая девушка Таня. Ее сердце свободно, поэтому придиричивость. Черт побери, кажется, он влюбился. Тогда почему сгущаются тучи, накрапывает дождь? Что-то наговорила про почтальона. Или ничего не сказала.

Загадочная личность?

Всякое почтовое отделение – это, прежде всего, внутренняя бесперебойная работа, барьером защищенная от обывательской суеты и сомнительного любопытства. Единственным связующим звеном является простой почтальон, а значит – доверенное лицо. Он часто посвящен в семейные проблемы, от него ждут приятных новостей и доброго совета, его любят наравне с домашним врачом. Конечно, сказано преувеличенно, но близко к истине.

Ничего удивительного нет в заинтересованности Мухина личностью Ивана Быстрова. Мнения Петьки и Татьяны не отличались объективностью, несли ярко выраженные признаки личной предубежденности; другое дело – старички, фиксирующие все передвижения своего почтальона. *А что, хороший парень: не пьет, не матюгается, всегда выслушает наболевшие вопросы, да... шустро бегают. Не успеешь оглянуться, а он уже у соседнего подъезда. Молодчага!* Есть разрозненные фрагменты, и нет целостного восприятия. Осталось найти некий алгоритм и воссоздать объективную картину. Спрашивается, зачем? С таким же успехом можно копаться в личной жизни всякого обывателя. Ответ до банальности прост: почтальон является заметной фигурой в жизнеустройстве ограниченной территории; никто не остается к нему равнодушным, с его присутствием считаются и... находятся от него в зависимости. И расследование Мухина становится все более направленным.

К утру дождь перестал. Деревья благоухают первозданной свежестью, сквозь зеленую дымку пробиваются солнечные лучи, музыкой растворяются в непорочных душах. Детишки не могут равнодушно пройти мимо размытой песочницы, вырываются из рук озабоченных мамаш. В общем оживление никак не вписывается Мухин, он с нетерпением поглядывает на служебный вход в почтовое отделение. И Быстров не заставил долго томиться – выбежал из-за угла, прыгнул на крыльцо, тронул дверной звонок. Открыла маленькая чернявая женщина

с мокрой тряпкой в руке, приветливо улыбку, сразу же удалилась. Быстров повернулся в сторону Мухина.

– Ну, здравствуй. Чего рано?

– Не хотел упустить. – Леня подошел к почтальону. – Я ведь что... только пройти по маршруту. Помогу разнести почту.

– Конечно, ты – журналист, тебе хочется написать этакое... не похожее. Сразу предупреждаю, ничего особенного не увидишь. Обычная в своем однообразии работа. Хотя... – Быстров шире приоткрыл дверь, рукой приглашая внутрь, – у каждого человека свое понимание работы.

В помещении пахло сыростью – результат работы неутомимой уборщицы, протирающей тряпкой мебель сотрудников. Молча подхватила ведро и скрылась за дверью начальницы.

– Садись, я сейчас.

Он не надолго удалился, вернулся со связкой газет. И началось... Мухин вспомнил соревнования барменов, показанные как-то по телевидению, и подумал: напрасно не устраивается чемпионат на звание лучшего почтальона-сортировщика. Перед ним работала хорошо отлаженная машина. Газеты веером пересыпались из одной руки в другую, сгибались в нужный формат, складывались в аккуратную стопку. Не меньшее впечатление производила расфасовка писем. Быстров заметил его восхищенный взгляд.

– А как ты думал! Каждое письмо имеет свое место, газета – тоже... чтобы при доставке не копаться в ворохе корреспонденции. В первые дни тратил уйму времени, пока переберу всю почту, теперь наловчился. А вообще интересно. Ведь это как спорт.

– И так всю жизнь!?

– Зачем? – Быстров внимательно посмотрел на собеседника, присел рядом.

– Я понял, зачем ты пришел... Когда-то я был в строительном отряде, вместе со всеми ждал на перроне поезда. До нас докапывался один журналист. Знаешь, карикатурный Мэгре с трубкой в зубах. Пыхтит и очень занозисто говорит: *А зачем вы на целину едете?* Наш командир бодро отвечает: *Помочь людям!* А другой товарищ добавляет: *И заработать желательно.* Ну вот, этот журналист отошел на пару шагов и зло процедил: *Дурак!* Ты понял что-нибудь?

– Каждому свое, – пожал плечами Мухин.

– Эх, а еще журналист! – в сердцах обронил Иван. – Надо иметь воображение... Ленивый журналист хотел, чтобы за него сделали его же работу. Вот он и хитрил.

Это же надо! – подумал Леня. – По сути, он сказал то же самое, что Татьяна. Не бывает абсолютной истины. Вернее, она имеет очень объемное понятие, в двух словах не выразишь, поэтому надо просто понимать. И есть литературное вранье – так, для красного словца. Сопадение казалось удивительным, и он потерянным взглядом блуждал по рабочему помещению. Теперь обратил внимание еще на трех работниц: две сортировали письма, третья просматривала бланки. Несомненно, все прислушивались к их разговору, хотя присущее им женское любопытство никак не отражалось на выполняемой работе. Леня мысленно присвистнул – слов не находилось.

– Пойдем, здесь посторонних не любят, – кивая на выход, пригласил Быстров. – Вот тебе письма – хоть какая-то польза.

В молчаливой задумчивости они пересекли дворовые площадки, пошли в направлении к участку. Заготовленные вопросы потеряли свое первостепенное значение, потому что с трудом удавалось поспевать за шустрим почтальоном. И какие вопросы, если Мухин сам обязан найти на них ответы. Никто ему не скажет, что связывает Быстрова и Тараскину. Еще труднее понять, почему девушка активно пытается оградить Мухина от общения с почтальоном. Она появилась на своем радужном велосипеде, когда в очередном подъезде скрылся Быстров. Глядя на нее, дух захватывало – настолько она выглядела божественно недостижимой в своем обтягивающем костюмчике. Едва заметный кивок, и – растворилась за поворотом. Вышла Евдокия

Никитична в оранжевой спецовке и рабочих штанах, увидела в руках корреспондента письма, приостановилась.

– Ты, что ль, на замену? – Окинула хозяйским взглядом территорию. – Что делается, что делается...

Чего он добивается? Хотел найти зацепку. Со стороны выглядит так, словно он облюбовал себе будущее местожительство и преждевременно приспособляется к новым условиям, тем самым опережая естественное развитие событий. И чувствует себя идиотом, потому что сам лезет в *болото*, постепенно привыкая к правилам, исходящим извне. Пока он никак не продвинулся к цели своей деятельности, зато попал под влияние Тараскиной, потом наследил в плюгавой компании Рябова, теперь бегаёт за странным почтальоном. Нет собственных идей, и он плывёт по течению, не может остановиться. И эта женщина...

В любом дворе есть люди, которые навсегда примелькались. Ничего удивительного, если мало кто обращает внимание на дворничиху, попросту – Дуську. К ее присутствию привыкли как необходимому атрибуту всякого двора, и... естественному объекту для облегчающей душу беседы. Опять же мимоходом, не интересуясь душевным состоянием самой Евдокии. Действительно, у всех на глазах ставшие привычными скамейки, песочницы, скудная растительность, а убери их – сразу все заметят. Часто Евдокия сама проявляла инициативу. Устанет, бывало, и присядет в гущу словоохотливых стариков. Уж ей то как никому пристало знать все новости двора.

– Уверен, вам есть о чем сказать, – мягко подобрался к ней Мухин.

Евдокия отставила метлу к дереву, молча пошла в сторону скамейки, также молча присела, по-мужски расставила ноги в грубых мужских ботинках. Вынула из спецовки большой носовой платок, утерла со лба испарину, коснулась уголков рта, уставилась вдаль.

– Поди, знаю немало, всякого навидалась.

– В каждом районе есть своя внутренняя жизнь, мне, например, недоступная. Тут ведь как получается... – Леня сел рядом, повернулся к дворничихе. – В одном дворе начинают умирать люди. Обстоятельства нетрадиционные. Хотя нет! Вроде бы понятные случаи, но происходят часто.

– Терентьич, что ли? – Она вынула из кармана пачку «Примы»; сигарету размяла и прикурила, глубоко затянулась.

– Не обязательно. Елена Витальевна и Пендюхин – тоже.

– Оба курвы, – с хрипом выдохнула она.

– И Лена?

– Сдохла, и бог с ней!

– Это как понимать?

– Пьяница она. С сыном не ладила, от него и с синяками ходила. Сначала у цыган пригрелась, никак спровадить не могли. А как турнули, по слухам – нашла такого же алкаша. Вот они и упились. Кто ж такую гадость выдюжит. Пили-то самопал.

– Вы говорите общеизвестные факты, но должна быть серьезная психологическая основа. Не может женщина с бухты-барахты уйти в бесконечный запой. Кстати, никто не знает, с кем она выпивала, и никто не наблюдал ее в последние минуты жизни. Получается всего лишь возможная версия.

– Кто ее знает... Иван, нашенский почтальон, разговаривал с ней. Соседи говорили, вместе они выпивали, а как там... Он и под меня клинья бил. – Сказала, и взгляд прояснился. – Не подумай! Присел также – рядом, слово за слово. В гости пригласил на чашку чая. У меня и мозги набекрень, а он – в кусты.

Мухин с недоверием заглянул ей в глаза. На огрубевшем лице Евдокии ничто не поменялось. И доверие уже подорвано. Или она таким нетрадиционным образом развлекалась. Не мог молодой привлекательный парень соблазниться этой, этой... Представить трудно, в каком пья-

ном угаре возможно соблазниться женщиной, напрочь утратившей женскую привлекательность. Соответственно возростало неприязнь. Вовремя из подъезда появился Быстров, сделал приглашающий жест.

– Мы можем продолжить беседу как-нибудь позже?

– А как же! Мне только и дел осталось – лясы точить.

Впечатления за последние полчаса не могли остаться без последствий: Мухин почувствовал душевную усталость и желание остаться наедине с собой – осмыслить, наконец, что с ним происходит. Обворожительная Татьяна и суровая Евдокия Никитична внесли смятение в его миропорядок, лишили способности уверенно воспринимать окружающую действительность.

– Я тороплюсь в редакцию. – Он смущенно протянул доверенную ему корреспонденцию.

– Как хочешь, – равнодушно отреагировал Быстров, забирая письма у Мухина.

– Но я еще приду!

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Быстров и побежал прочь.

Что он вообразил! – мысленно возмутился несостоявшийся журналист, торопясь покинуть мир застоявшегося *болота*. Когда успел на целине побывать? По ночам изображает беспомощных стариков, провоцирует насилие – с какой целью? В сущности, писать не о чем. Каждый человек живет сам по себе и далек от объективности. Собранный материал рассыпается на самостоятельные фрагменты, нет в них, что называется, красной нити повествования. Высвечиваются отдельные характеры, но нет ответа на поставленный вопрос: как могло произойти? Или наоборот – в разобщенности людей заключается ответ? В любом случае он знает о чем сказать, когда входит в здание издательства.

Не о чем писать?

– Уже!?! – поднял голову от рукописи главный редактор Хижин. – Давай, показывай.

– Ничего не получается, – пробормотал Леня Мухин, устраиваясь напротив.

– Это хорошо, – по-доброму улыбнулся Анатолий Евгеньевич. – Ты не первый, иначе где набраться бумаги. Я-то знал о трудностях, но не предполагал с твоей стороны малодушия. Как звали твоего батюшку?

– Юрий Николаевич.

– Известная в обществе личность, немало сил положил на реорганизацию и развитие городской инфраструктуры. Не только практиковал, но и статьи писал. Я знал его лично, поэтому говорю с полной ответственностью. И совсем не годится сдаваться тебе – его сыну, унаследовавшему родительские черты характера.

– Завяз, ничего не вижу. Есть мелкая склочность, но нет основной направленности в показаниях и поведении людей.

– А, это уже понимание, – одобрительно кивнул руководитель. – Тоже хороший результат. А если понимаешь, то остановись, осмысли ошибки и упущения. Внеси коррективы в свои действия и дальше дерзай.

– Запутался в человеческих отношениях, потерял цель...

– И все!?! – усмехнулся Анатолий Евгеньевич. – Ну вот что, у меня много работы, а ты иди и собирайся с духом. Что касается цели... это твой успех. – Главный редактор невесело рассмеялся.

Когда незадачливый корреспондент повернулся к выходу, то услышал, как ему показалось, знаменательную фразу:

– Писать можно обо всем, надо суметь написать.

Не зря Леня зашел в редакцию – уже последняя фраза Хижина стоила того. Все встало на свои места. Анатолий Евгеньевич всего-навсего дал Мухину возможность проявить свои способности, и нагромождение отрицательных событий в отдельно взятом дворе здесь не при чем. Увидеть интригу изнутри – вот задача. Интрига – конфликт. Не обязательно знать истину.

Именно увидеть и уметь отобразить! И чтобы не говорила Татьяна – эта милая, неискушенная в интригах, девушка, к ней надо прислушаться. Как говорится, устами ребенка глаголет истина. Мысль показалась убедительной, а если учесть недосказанность при последней встрече, то, окрыленный новыми надеждами, корреспондент помчался в сумеречный вечер к Тараскиной.

Несомненно, в семье сложилось неукоснительное доверие. Евдокия Никитична вопросов не задавала, предусмотрительно подала внучке теплую шаль.

– Накось! И что дома не сидится... Вон и чаек настоялся...

Леня тактично поторопился выйти и дождался девушку на лестничной площадке, а при виде ее с накинутой на плечи шалью испытал сильное волнение, когда окружающие предметы теряют ясность очертаний, учащается дыхание – уже в который раз. В любом случае он даже себе не признавался в собственной влюбленности, поэтому в беседах с ней проявлял легкую небрежность и даже снисходительность, но спать ложился с мыслями о ней. Впрочем, его фантазии отличались нежностью и нравственной чистоплотностью – пусть даже с налетом эротики.

– И что мне в голову пришло... – последовал он за ней из подъезда. – Люди бедны.

– Бедны? Да, вы правы! – смутилась девушка, но тут же ее голос обрел гневные интонации. – Вы думаете, духовные ценности ничего не стоят? Это все равно что большая жизнь, переложенная в художественное произведение, – уникальная, неповторимая.

– Согласен... неповторимая. А как быть с духовными ценностями Бориса Пендюхина?

– Ну, прямо! Сдался вам Пендюхин. Ненормальный человек, а как жил... Конечно, жалко. Наверное, родители были, кто-то же его воспитывал.

– А другие люди? Уверен, знаете много, да и вашу бабушку никто стороной не обходит, к ней прислушиваются, с ней делятся новостями – сам убедился. От вас она не станет скрывать.

– Выслушать сплетни – еще не значит узнать правду. Пересказывать не стану, не дожидесь.

И кто это говорил! Неискушенная девушка очень хорошо сформулировала мудрую мысль, что, несомненно, подтверждало идею о заложенном с генами опыте поколений и отражало строгое воспитание с рождения.

– Сплетен хоть отбавляй. Вы, как я понимаю, хорошо знакомы с почтальоном... – затронул назревшую тему Мухин и поймал на себе настороженный взгляд девушки, увидел мгновенно возникшую скованность. – Еще бы! Парень общительный, привлекательный – не в пример мне, умеет со всяким разговор поддержать. А до него, между прочим, Марина Тихоновна домогалась. Ну, это жена Сергея Петровича – примечательного, очень душевного человека. Говорят, хороший писатель. Так ведь никто голову на отсечение не даст, зато сплетни распространяют.

– Ничего особенного, – сразу же расслабилась девушка. – Порой кажется, я из пальца высасываю проблему, которой в помине нет, но может иметь место. А все для собственного развлечения – так я в школе перед девчонками расцветчивала свою жизнь. Есть уже сложившиеся правила взаимоотношений людей с различной психологией. У каждого свои радости и неприятности. Неприятности – из-за недоразумений или, если хотите, – непонимания. Почему?... Иногда жизнь течет сама по себе, но обособленный человеческий мозг раскручивает собственную логику. И вот появилась сплетня, очень похожая на правду. Где-то произошло замыкание, и все понеслось в тартарары. Или кто-то специально сплел интригу, ориентированную на определенного человека с его конкретной психологией – на его погибель.

– Вы только подтверждаете мою мысль о распространении сплетен как уже имевших место фактах. В итоге у меня нет положительных результатов.

Леня высказался и краем глаз взглянул на нее в надежде прочесть в глазах одобрение сделанным выводам – так ему хотелось ее внимания. И в самом деле увидел пристальный взгляд Татьяны. Она изучала его. Мягкое лето сменилось на колючую зиму. И где он теперь? В ощущениях ушел за пределы прозаичной обстановки. Кажется, сидят они под кро-

нами распутившегося тополя, уже и май заканчивается, затененная сырость притягивает комаров, вечерние испарения дурманят голову – нет ясности восприятия. Проще выражаясь, он не увидел прежней добросердечной девушки и неприятно поехал.

– Не пойму вас, – буркнул он.

– Почему? – искусственно рассмеялась она.

Ему и раньше не приходилось строго осмысливать собственные поступки. Да, появился импульс, и он высказался, уверенный в собственной порядочности. И вдруг понимает, что сам плетет интригу – проверяет версию на девушке. Действительно, почему бы ей ни оказаться причиной замыкания. Роковую роль в развитии событий могла сыграть сплетня относительно Быстрова и Андреевой или... Пора остановиться!

Стоило отвлечься от фантазий, и Леня Мухин основательно засомневался в себе. По всей вероятности, Анатолий Евгеньевич совершил ошибку, возлагая на молодого корреспондента осмысление общечеловеческой проблемы. Именно в масштабности поставленной задачи запутался Леня, не умея выделить главного. А чего именно? Сказывалось отсутствие жизненного опыта, реальные знания подменялись юношескими фантазиями. И девушка, конечно, развлекалась.

– Могу представить, как в душе вы посмеиваетесь над моими усилиями убедительно воссоздать реальные события. Ни один специалист так ничего и не доказал, а *дела* повисли в воздухе. И вы улыбаетесь над моими благими намерениями. Вон у Каверина в «Двух капитанах» герой жизнь посвятил поиску истины и достиг вершины справедливости. Чем не пример?

– Вот вы постоянно подчеркиваете свою непривлекательность, что совершенно не соответствует действительности, но вы правы в другом – ваша юношеская одержимость вызывает улыбку. А Каверин... роман он и есть роман. – Увидела, как густо покраснел Леонид, заторопилась: – Давайте напишем наши соображения. Ну... вроде версии – я так думаю. Настоящих событий никто никогда не узнает. Даже для самих участников они могут представляться субъективно, далекими от истины. Человек может сам не отдавать отчета в своих действиях и... не помнить. Бывает же аффект. Сработали инстинкты... животные...

– Вы легко идете на компромиссы, и я только рад вашему великодушию, но как быть с духовными ценностями. Сегодня Пендюхин загубил неповинную собаку, завтра похитит вашего кота для садистских опытов, а дальше... Вы запросто развешиваете ярлычки. Быстров получился у вас пошляком, а я пообщался с ним, так просто увлеченный человек, увидевший в рутинной работе только ему понятный смысл. Ума не приложу, как вам пришло в голову... В общем, ему не до вас.

– Дурачок! – Она резво вскочила и заторопилась к спасительному подъезду.

Здорово у нее получалось: чуть что – сразу в подъезд, на осмысление не оставляет времени. И отношение к основным вопросам не прояснилось. По независимости в суждениях, у Татьяны не должно быть заинтересованности в искажении действительности. Так в чем дело? – задавался вопросом Мухин. Надо написать скромную статью о паскудной человеческой природе, празднующей лучшие времена, когда социальная и политическая обстановка все списывает. Опять же во все времена обществу в большей степени импонирует признание в любви к человеку, а то что убивают, насилюют... В стране есть процветающая элита, совершившая феноменальный взлет на восхвалении простого народа – его душевности и бескорыстия, упуская при этом его экономическое положение, и не торопится поделиться доходами с этим самым народом. Всюду лицемерие – циничное, ничем неограниченное. А как поступить ему?

Конечно, он заигрывал сам с собой внешне, на самом деле подсознательно искал ответы на поставленные вопросы. Например, носителем информации является почтальон – невольный свидетель скрытой жизни двора, общительный молодой человек, видом профессиональной деятельности связанный с местными жителями. Естественно и понятно. Как ни странно, Татьяна усиленно отводит внимание Мухина от личности, явно притягательной для решения

поставленной задачи, навязывает свое мнение о людях и происходящих событиях. Почему? Возможно, имеются факты, о которых Мухину знать не положено. А почтальон знает?

Никаких открытий не происходит, но отношения с девушкой окончательно испортились. А чего она ожидает? За ее юной безгрешностью таится сила, направленная на подавление его целеустремленности. Она стремится навязать свой сценарий исследовательской работы, не связанный с развитием реальных событий. Но если принять ее вариант, путь получится тупиковый. Без документальной основы работа теряет смысл. А каким должен быть путь?

Посмотрел на светящиеся окна, перевел взгляд на небо. Горизонт еще продолжал озаираться, но уже появилась первая звездочка – Венера. Тоскливо съежилась душа. Татьяна придумала роман, поверила в него, теперь не откажется от намерений навязать его. Зато не верит Мухину, а значит – в успех расследования. И никто не верит, даже Анатолий Евгеньевич. Поэтому в стране процветает криминал, а силовые структуры развлекаются – устраивают облавы на притоны с последующим освобождением захваченных сутенеров, ловят криминальных авторитетов, обяывая их дать подписку о невыезде. Почему-то нет действий по кардинальному снижению преступности в стране. Спецорганы могут найти радиостанцию, замаскированную иностранным разведчиком под обычный булыжник на мостовой, но не в силах обнаружить изготовителей паленой водки, миллионами гектолитров поставляемой в торговую сеть. Создается впечатление, что государство заинтересовано, чтобы вечерами люди с опаской крались по плохо освещенным улицам и, прячась по своим углам, меньше замечали махинаций в эшелонах власти. Основные бюджетные средства тратятся на оплату труда чиновников по созданию видимости хоть какой-то деятельности в целях процветания народа. Ну, станут все богатыми, а кто будет обувь чистить, подметки приколачивать? Само государство не допустит всеобщего обогащения, кто-то же должен обслуживать главных лохотронщиков страны. Всюду происходит реальная деятельность на уровне игры. Второго июня состоялась теледуэль известного журналиста и не менее известного политика. Зрители присвоили победу с преобладанием в тридцать процентов журналисту, однако судьи, два вальяжных чиновника, повернули стрелку наоборот. И всюду ложь, ложь...

Неприятный вывод сказался вдохновляющим образом, и Мухин поспешил домой. Пока добирался, мысленно выстраивал статью. Начиналось по законам детективного жанра – трупы, подозреваемые, вопросы... Нет, исказить факты не стоит. Анатолий Евгеньевич прочитал отрицательную сводку по городу, своей заинтересованностью в журналистском расследовании проявил сострадание к согражданам, и повышение рейтинга газеты здесь не при чем. С журналистского расследования и надо начинать. Симпатия к простым обывателям всегда пробуждает ответные чувства. Необходимо сделать упор на психологическом состоянии общества, показать недовольство народных масс проведенной монетизацией и регрессивным налогообложением с последующим обнищанием людей. Никто уже не верит в справедливость, снижается интерес к жизни, а следовательно – самозащищенность. Статью необходимо подкрепить жизнеутверждающими пожеланиями: *Долой коррупцию! Надо бороться с преступностью! Давайте объединяться в борьбе за свои права!*

Придет же в голову такая чушь! В природе все уравновешено – есть травоядные животные, но им обязательно противостоят хищники. И лозунги очень хорошие, но преступность как раз и необходима, чтобы не допустить объединения людей – пусть боятся и сидят по домам, а то вдруг пообщаются и за вилы возьмутся. Всякому терпению приходит конец.

Все бы ничего, но сказывалось мышление Татьяны. Может, она явилась вдохновительницей и негласным соавтором статьи. В сущности, она первой высказала мысль об изложении убедительной версии, не вдаваясь в истинные причины гибели людей. Она повлияла? Нет, он самостоятельно пришел к тому же решению, не требуется ее участия, но... у нее приятная внешность, доброе отзывчивое сердце. И потом... Леня Мухин вышел из детского возраста, пора заводить подружку и думать о создании семьи. Уже дома он позвонил ей по телефону.

– Чем занимаетесь? – деловито обратился он, как ни в чем не бывало.

– Листала Библию, прочитала: *Кто может знать мысли человека, кроме его собственного духа, живущего в нем?*

– Насчет духа сказано сильно, но не утвердительно. Надо думать, сам человек может и не знать, что творит. Ведь так? Возможно, вы правы, говоря о внешней убедительности. Набросайте свою схему статьи или очерка – как сочтете нужным. Посмотрим, что получится из нашего тандема.

– Вы согласны? – В голосе девушки не прозвучало ожидаемой радости, скорее – осторожность, предчувствие подвоха...

– Не подумайте... я тоже предложу вариант, а потом вместе обсудим. – Замолчал, но вертится фраза – опасная и непреодолимая. – Хотелось бы пригласить вас прогуляться под звездами. – Сказал и вдруг понял, что сам себе противоречит в стремлении к профессиональной сдержанности. И она как будто перестала дышать. – Я так... вы приятная девушка... скучаете... скоро лето пройдет.

Действительно, язык – враг. Освободился от гнетущей тяжести, а легче не стало, и вспотел, как после длительного забега. И толком выразиться не сумел.

– Это что, Леня... кажется, не поняла.

– Вы мне нравитесь... очень.

– Хорошо вы сказали, – легко прозвенел ее голос. – Я бы рада, но потом бабуля прогуляется по моей спине половником.

К его чести будет сказано, он не страдал сексуальной зависимостью и не относился к расхлябанным молодым людям, переоценивающим свои возможности. На отношения с женской половиной человечества смотрел фундаментально: каждая, уважающая себя, девушка достойна прекрасной участи, и настоящий мужчина не вправе лезть в дивный сад без серьезных на то намерений. Уже вопрос. Поэтому Леня бухнулся в постель и долго не мог отвести глаз от завораживающей звезды Венеры, призывно подмигивающей ему в просветах лебединых облаков. Размышлял о перспективах взаимоотношений с девушкой.

Он ретроспективно проследил свою жизнь, не увидел в ней значительных любовных всплесков. Да, в иные вечера гулял с одноклассницами, однажды проснулся в каком-то общежитии в одной постели с разбитной девицей. Анализировал свой незначительный сексуальный опыт и не нашел в нем даже тени восторга. Если принять во внимание его невысокое мнение о своей внешности, то он быстро оставил попытки самообразовываться на любовном фронте. Более значимой становилась личная фантазия, насыщенная сумасшедшими оргиями или наоборот – трогательная в своей непорочности. Опять же размышлял. Понятной стала притягательность детей – их мир космически огромен и чист. Как видно, девушка Таня... она самое прекрасное и неповторимое явление природы, в котором гармонично сочетаются все девичьи достоинства в космических масштабах. А ключ к сердцу – на дне глубочайшего омута? Но какая естественность! И самобытность!

Весь цивилизованный мир следует моде. Краем сознания Мухин знал о существовании Зайцева и Дудашкина, но относился к ним, как стороннему мирозданию. И кто с ума сходит по каким-то там моделям одежды – значит, мало других забот. Каждый живет по общепринятым правилам, но чтобы подражать... Или, например, немалая часть мужского населения глубоко переживает за успехи отечественного футбола. Хорошо или плохо? Вопрос риторический. Лучше самому играть и совершенствоваться, чем создавать себе кумиров. Надо оставаться личностью, независимой от веяний времени. Поэтому стремление самовыразиться в литературе? Перевел сексуальную энергию в творческую плоскость. И Леня Мухин увидел в Татьяне родственную душу, незамутненную мэтрами от культуры и житейскими катаклизмами. Ее хотелось лелеять, оберегать от невзгод. Короче говоря, Леня влюбился не на шутку.

IV

Ничего странного, если вдруг встречный прохожий улыбается или даже смеется. Человеку свойственно испытывать иногда безотчетную радость – просто хорошо, и все. Мало ли какие мысли возникают во время праздных размышлений, легкости необычайной. Или присутствует наркотическое опьянение. Человек идет и улыбается. Все может быть, и обязательно найдется разумное объяснение. Бежит пятиклассница по школьному коридору, смеется самозабвенно.

– Иван Михайлович! – И падает ему в объятия.

– Чего смеешься?

Весь учебный год преподавал рисование и черчение – как раз перед Армией. Хорошо получалось, и ученики делали успехи – знать, полюбили молодого учителя, поверили ему. Девочки поначалу записки любовные подбрасывали, тем самым проявляя ответную душевность. А он не понял.

– Что-нибудь случилось!?

Нет, девочка не потускнела. Со смехом вывернулась из рук и вновь понеслась мимо учебных кабинетов. Только взгрустнула Алевтина Федоровна, престарелая, сухая и длинная, как жердь, математичка.

– Иван Михайлович, – обратилась она в задумчивости, – дети смеются потому, что им весело.

И как он сам не мог понять! Уже не исправить. Пробегал мимо озаренных радостью детских мордашек, ощущал на лице снежинки, а под ногами обледенелый асфальт. Он сам испытывал безотчетную веселость. Потому что счастлив? Хотелось обнять весь мир, каждого одарить частичкой своего настроения. И от чего болезни души? Несомненно, застойные явления порождают душевную гниль и пагубные идеи. Спонтанный оптимизм вызывает встречную просветленность и заинтересованность. И уж совсем естественным выглядело знакомство с Назаровским во время передачи заказного письма.

– Ты не женат? – поставил подпись на бланке Виктор Васильевич.

– Думаю, по мне видать. Мне нравится точность высказывания Задорного по поводу дураков и холостяков.

– Ну, это загнул. Я не жалею о совместной жизни с Ниночкой, царство ей небесное. Давай-ка я тебя чайком побалую, на улице, гляди, не май-месяц. Как считаешь, а!?

– Сегодня газет нет, можно и пообщаться.

– А как с домашним винцом? – весело сверкнул черными глазами радушный хозяин. – В этом сезоне всю овощную яму заставил.

– Не откажусь.

У него все получалось быстро. После стакана доброго вина беседа потекла неторопливая и греющая душу. Само собой зима смирила свой нрав, и снег растаял. А может, все казалось, и птицы солировали только в воображении.

С некоторых пор Иван перестал фиксировать уходящие годы, забыл о возрасте, и вдруг глянул в зеркало. Черт побери, уж не является ли он механическим звеном в человеческой куролеси. А где полет мысли, деятельная одухотворенность? Надо бежать.

Никому не дано проникнуть в сознание стороннего человека, но это и не важно. Правильней будет судить по делам и душевным проявлениям. Наконец, человек обставляет личную жизнь сообразно своему воспитанию, характеру и материальным возможностям. Назаровский, например, проживает в двухкомнатной квартире, но жилой можно считать только одну, то есть гостиную. За приоткрытой дверью другой комнаты Быстров увидел стеллажи с книгами и письменный стол, заваленный бумагами и немытой посудой: наверно, Виктор Васильевич

предпочитал удовлетворять потребности желудка и духовный голод одновременно. Еще Быстров обратил внимание, с какой тщательностью хозяин прикрыл дверь предполагаемого кабинета, не забывая в замке пару раз провернуть ключом. И личная жизнь психиатра оставалась тоже за семью замками, зато сам он проявлял нездоровое любопытство, или профессиональный интерес, к окружающим его людям. Поэтому обстановка гостиной не отличалась изысканностью, но журнальный столик и два мягких уютных кресла располагали к душевной открытости. Необходимо дополнить облик комнаты баром с выставленными в нем спиртными напитками. В остальном интерьер не отличался от общепринятого стандарта: диван, платяной немодный шкаф под ясень, телевизор на низкой тумбочке, пестрый ковер во всю комнату.

Тесное знакомство с Назаровским явилось отправной точкой в творчестве почтальона. Раньше неосознанное, теперь тяготение к познанию человеческой психологии получило осмысленную направленность. И какие возможности! Перед ним открывается завеса чьего-либо уединения или семейной тайны. При его способностях и соответствующем трудолюбию возможно воссоздание целостной картины человеческого бытия. Работа почтальона не является избирательной, как, например, у милиционеров или врачей, полем его деятельности становится все население, к какому бы социальному слою оно не относилось.

– Я открою тебе секрет, хочешь? – Виктор Васильевич скосил на Быстрова выпуклый взгляд.

– В необходимой мере есть любознательность, не скрою.

– У тебя на лбу написан успех. Не смущайся – тебе не пристало. Есть люди, отмеченные богом, великая сила подталкивает их к цели. Они сами часто не сознают своего предназначения, но обстоятельства всегда складываются так, что невозможно сойти с дистанции. Ты, Ваня, преподавал в школе?.. Тут недавно Александра Григорьевна разговорилась: видела твою трудовую книжку. Ну вот! Были успехи, и вдруг... – Назаровский выдержал паузу, – разносишь газеты, отказываешься от материальной выгоды.

– Мне нравится.

– Нравится, ха-ха. Можно полюбить работу, если видеть в ней глубокий смысл. Ты увидел. Или уже осознал.

– Трудно поспорить. Кажется, увидел. Правда, не сразу осознал, шел интуитивно.

– Конечно! – обрадовался собеседник. – Понимание происходит на глубоком подсознательном уровне. Ты прислушался и поверил. Что я, не видел, какое у тебя счастливое лицо. И люди к тебе тянутся, всех привлекает непонятность. С чего это низкооплачиваемый почтальонишка вдруг доволен жизнью. Другим сколько не давай, все мало, а тут...

– А секрет?

– Я уже сказал, суть твоих взаимоотношений с людьми – осознание своей необходимости в духовной сфере. Жизненная позиция, которую ты занял, вне конкуренции – гляди, при нашей всеобщей меркантилизации. Правда, созвучно монетизации? Никто не согласится одеваться в металлический костюм; в своем большинстве все хотят теплоты и мягкости, но в противоборстве с золотым рублем уступают. Попробуй оспорить.

– Слабо воспринимается связь с духовностью.

– Твоя работа – это один из механизмов психологической защиты. Ты, братец, неуязвим, тебя не гнетут материальные и сексуальные проблемы – твоя активность переключена на более высокий уровень. В психологии – так называемая *сублимация*.

Частые беседы с Виктором Васильевичем явились для Быстрова благодатной почвой, на которой созревали планы по организации творческой деятельности. Попросту говоря, он стал осознанно изучать психологию людей, с которыми часто общался, выделять исключительные качества и пытаться отобразить их средствами изобразительного искусства – в карандашных и пастельных набросках, иногда использовал акварель. То есть он накапливал мимолетные

впечатления для последующего осмысления. В общем-то, сам того не ведая, он пользовался методом художника Тиссо.

С первых дней почтовой деятельности заметил высокого кряжистого старика с припухшим лицом – землистого, с примесью красной глины, цвета. Как Евдокия Никитична с метлой являлась неизменным атрибутом двора, так и Казакевич с клюкой, благодаря своей экзотичности, с давних пор стал его отличительным признаком. Всегда хмельной, в засаленном пиджаке – должно быть, со времен второй Отечественной, и как водится у семейно неустроенных мужиков – с многодневной щетиной, скрывающей борозды-следы пережитых невзгод. И возраст для многих оставался загадкой.

Кажется, во всей стране одного Казакевича устраивала существующая действительность, личная жизнь состояла исключительно из физиологических ощущений, мало занимали чужие переживания.

– Кто ты есть!?! – тычет он негнушимся пальцем в грудь почтальона. – Бу-укашка! Но ты не переживай: не война, прорвемся. Вот сейчас выпьем, да-а... я сделаю из тебя тигра.

Беседы происходят по одному сценарию. После оптимистичной тирады костлявая рука исчезает за пазухой, извлекает бутылочку настойки боярышника. Он демонстративно опрокидывает содержимое в рот – как единственную емкость на поле колючей седины. Кто-то способен занюхать алкоголь рукавом, а он громко крикает и этим самым рукавом протирает слезящиеся глаза.

– Эта стерва меня доконает, – хрипло выдыхает он. – Э-эх, есть еще порох. А как в войну...

В сущности, три фразы содержат огромный исторический материал – разумеется, для человека, умеющего разгадывать кроссворды, но Иван Быстров не придавал им определяющего значения. Правда, кто-то называл Казакевича кавалером двух орденов Славы. Так ведь для защитника Отечества естественным было проявлять героизм. Сейчас иные времена, родители часто прячут своих ребятишек под кровати, чтобы на время призывного возраста схоронить от Армии. Пусть все гибнут, защищая их, но только не свой восемнадцатипятилетний дитеночек – он сиську мамину не дослюнявил. Конечно, Ефим Терентьевич в войну отличился. В конце войны ему исполнилось двадцать лет! И знал ли кто?

Рассказ о подвигах Казакевича может смутить всякого сердобольного человека, но Иван Быстров имел мужество достойно нести крест профессиональной отстраненности, стал привыкать к пьяным сентенциям, хотя невольно вылетела фраза, по времени совпавшая с началом цепочки трагических событий. Позже Быстров искал магическую силу в нечаянно оброненных словах – в чем она заключается. Или кто-то другой сказал его языком:

– Дядя Ефим, вы умрете нехорошей смертью.

– Такие, как я, бессмертны, хэ-хэ... – с хриплым надрывом клекотал пьяный старик. – Дьявол мне судья.

И все!?! В последствии Быстров задумался о природе фразы. Сознательно он не собирался говорить, но в результате состоялись похороны Казакевича. После размышлений успокоился: история изобилует совпадениями подобного рода. А несчастный случай с Пендюхиным явился еще одним поводом для тягостных раздумий. *Тебя земля убьет*, – необдуманное замечание в ответ на хамство. Фраза возникла благодаря воображаемому результату паскудной жизни душегуба. И сам Пендюхин напугался. Принял за пророчество, наверно.

– Не-е, господь любит своих тварей.

В глазах страх, в движениях нервозность. Может, он в повседневной жизни придурился, но чутье на опасность имел отменное, сразу забеспокоился.

– Боря, ты сам себя приговорил.

Всего лишь сказал, а в ответ страх неопишуемый. Тогда зачем собаку убил? По непонятным для нормальных людей причинам совершает злодеяния, но ответственности всяче-

ски избегает. Человек!? И как может быть обманчивой внешность! Ножичком махался, собаку Назаровского загубил, а тут побледнел, взгляд помутился.

– У меня Цапля есть. Она, знаешь, какая сильная!

Не стоило брать в голову нелепую форму самозащиты, но пройти мимо столь авторитетной женщины невозможно. Иван видел долговязую и душевно высушенную женщину с суровым бесцветным лицом. Появившись неожиданно и прервав беседу, она зацепила Бориса за рукав и потащила его в сторону киоска. Возможно, прозвище родилось из-за когтистых длинных пальцев. А мелкие острые зубки... Соответствие внешности и поступков составит конкуренцию пиранье. И защита несомненная. Для Быстрова, как художника, объект притягательный, но недоступный для сближения. Он физически ощущал невежество, способное проявиться самым отвратительным образом. Отпугивали непредсказуемые последствия, но привлекала для художественного изучения возможная гнусность? Непреодолимое для него противоречие.

По внешнему виду Назаровского нельзя сказать, чтобы гибель собаки наложила неизгладимый отпечаток на его душевное состояние. Также благодушно улыбается, разве что в голосе появилась едва уловимая грустинка.

– Виктор Васильевич, нельзя спускать Пендюхину, иначе удержу не будет.

– Ты, Ваня, прав! И я принял меры... лечить парня надо.

Сказал, а на самом деле себя убеждает. Трудно сомневаться в его профессионализме, но лечить от воинствующего жлобства... Вся пакостливость Пендюхина исходила из уверенности в своей психологической непостижимости и добродушии Назаровского. Он уверен в своей интеллектуальной недосыгаемости. Невозможно убедить в обратном кретина высшей пробы. Но Виктор Васильевич тоже с фантазиями, после гибели собаки обратился к судебной психиатрии, добился принудительного лечения Пендюхина. Тот проявил свойственную ему изворотливость, быстро смекнул, что для него лучше – не отвечать же по строгости закона.

Строгость закона?

Результаты добрых намерений Назаровского не заставили себя долго ждать – хватило недели, чтобы взбудоражить все здравоохранение области. Но об этом чуть позже, а пока новоиспеченный почтальон присматривался к населению, не торопился делать выводы. И люди в общей массе поначалу равнодушно воспринимали очередного энтузиаста нелегкого труда. Если кто и проявлял видимый интерес, то все объяснялось праздным любопытством и доступностью проявляющей беседы. Хотел Быстров или нет, он естественным образом со временем становился поверенным в житейских делах многочисленных своих адресатов.

Как и большинство здоровых молодых людей, не отягощенных семейными узами, он не упускал из внимания женское население, а для художественных изысканий выбрал Лену Андрееву и Таню Тараскину – два психологических полюса в женской юдоли. В какой степени подавленной, отрешенной от кипучей жизни, выглядела Елена Витальевна, на столько же Татьяна являлась самым олицетворением жизни. Пристальное внимание почтальона не осталось незамеченным, породило своеобразную реакцию самих объектов наблюдений и кривотолпки среди населения, с которыми позже познакомился Леня Мухин.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы знать о субъективизме восприятия всякого человека, но самым опасным наблюдателем взаимоотношений почтальона и женщин, уже ввиду объективных обстоятельств, стал Боря Пендюхин. И Виктор Васильевич при очередной встрече проговорился Быстрову о своих сомнениях – в смысле возможного выздоровления изворотливого душегуба.

К удивлению самого Назаровского, чей талант психиатра высоко оценивался в областном министерстве здравоохранения, его протее сразу стал пользоваться благосклонностью в психдиспансере. Учитывая нехватку вспомогательного персонала, врачи с удовольствием прини-

мали помощь физически крепкого мужчины. И как не радоваться, если Пендюхин с готовностью хорошо выдрессированного пса набрасывался на буйных больных, проявлял недюжинную сноровку в скручивании рук и ног непослушных пациентов. Ему доверяли, а он услужливо тупил взор, забивался в какой-нибудь угол и... выжидал. Чего?

– Тут ведь, Ваня, как... – Назаровский призадумался, добавляя в свой кофе коньяка. – Чертовщина получается, он всех ввел в заблуждение. Я-то вообще коронованный дуралей.

– Никто не знает, что может быть у психа на уме, – попытался возразить и одновременно подвести черту Быстров, помешивая сахар в крепком чае.

– Ну, это с твоей точки зрения – как поверхностного наблюдателя. Хотя чего себя обманывать, у меня тоже профессионализм дутый, если так облапошился. Можно было заметить особый взгляд... Ну, хитрый блеск, что ли. Ему-то кажется, что он самый умный, самодовольство прет наружу.

– Очень интересно, но мне пора бежать, остались три заказных письма, – поднялся Быстров, сожалея о невозможности дослушать любопытную историю.

– Что делать, у каждого свои обязанности, – понимающе моргнул Виктор Васильевич, провожая гостя.

Упоминание о своеобразном взгляде Пендюхина не оставило без внимания почтальона. Есть же необыкновенная улыбка Джоконды, а глаза... И что увидел сам Назаровский в облике своего пациента? Так что Иван явился к психиатру в тот же вечер с бутылкой легкого вина, своим поступком несколько не удивил добродушного хозяина.

– Понимаю твой интерес... – Указывая рукой на кресло, Виктор Васильевич мысленно ушел в себя.

Быстров почуял неадекватность в поведении самого Назаровского. Несомненно, тот пытался проникнуть в логику мышления Пендюхина, что само по себе являлось насилием над собственной психикой, могло обрести необратимый характер. Действительно, глупо хихикнул, подергал себя за кончик носа.

– Можешь сам представить скотство в проявлениях идиота...

– Виктор Васильевич, я не специалист, поэтому необходима расшифровка, – разливая вино по фужерам, скромно вставил Быстров.

– ...Он присмотрел в палате немощного парня и в перерывах между посещениями врачей насильствовал больного. А тот что... все сносил и плакал. Если какая комиссия или процедуры, Пендюхин прятался в неприметном углу и дожидался своего часа.

– Омерзительно!

– То-то, братец, и оно. Может, для придурка и понятное явление, но медсестра... Когда делали выговор за недосмотр... ну и другие недоработки заметили... так она невозмутимо пояснила: *И напрасно вы! Он же мужчина, у него имеются естественные потребности.* Каково, а?

– Когда мы говорим о Пендюхине, все время вертится на языке слово *непостижимо*. Это же надо, скотство – как присущее человеку качество и непровержимый аргумент в качестве защиты. И она продолжает работать?

– Ты же не пойдешь вместо нее уколы ставить. И потом... у врачей свое отношение к естественным человеческим проявлениям.

– Грязное скотство называете естественной слабостью? Он же маньяк!

– Не надо создавать бурю в стакане воды, все относительно. И задница у паренька заживет. По крупному счету, вопрос касается глубинных социальных явлений. А что касается Пендюхина... выгнали его из психбольницы. Начали раскручивать и выяснили: он там устроил для себя опытную лабораторию – тешил свое самолюбие садизмом.

Быстров построил кислую физиономию. То, что Пендюхин разнuzданный садист не удивляло, потрясло равнодушные врачи, а точнее – сочувствующее понимание. Понимание!?

Сочувствие и понимание происходят почти на каждом шумном судебном процессе. Нередко присяжные входят в положение подсудимого, отягощенного пагубными воспоминаниями из далекого детства. Немалое значение приобретает искреннее раскаяние. Искреннее раскаяние? Как будто в страхе перед наказанием кто-то не захочет на словах раскаяться. Почему-то в большинстве случаев судьи и присяжные забывают встать на место жертвы или множества близких ей людей – тоже пострадавших в конечном итоге. И этот хитрый взгляд...

– Любопытный пройдоха! – вынужден был констатировать почтальон. – Надо бы пообщаться.

– Зачем!? – с наигранным удивлением вскинул брови Назаровский, отставляя опорожненный фужер, тут же продолжил с равнодушной интонацией: – Впрочем, как хочешь. Я-то ведь по долгу службы, а ты...

Иваном двигало непреодолимое любопытство. Интересно знать, как формируются мерзавцы типа Пендюхина. Есть простая библейская заповедь: не делай другим того, чего не хочешь себе. А в рассказанной психиатром истории полное игнорирование чужой боли, даже есть тихое удовлетворение. Или садистское наслаждение?

– А эта... как ее... Лена Андреева... Видел ее с Пендюхиным. За руку ее тащил.

– Лена? – Назаровский поморщился. – Там лес темный. Чего хочет Боря, ежу понятно, а вот Лена... Несчастливая женщина, не повезло ей с мужем; и сын не жалуется матери – любопытные у них отношения. Со стороны глянешь, так он ее за мать не считает, по всякому поводу критикует – жить мешает, компрометирует... Парень создает вокруг себя ореол – образ, скорее всего, строгого сына. По отношению к матери неоправданный максимализм. Вот если бы нашелся порядочный мужичок и пригрел бы ее. Ну, я к примеру... Все бы у нее получилось. Не может она без мужчины, а Костя взял на себя не свойственную для сына функцию.

– Что же, бывают люди слабовольные, им необходима опора.

– Ошибаешься, братец. Все не так просто, иначе я бы ею профессионально занялся и, поверь, направленной тренировкой мог бы достичь успеха. А в данном случае, гляди, ярко выраженная патология – я имею в виду патологическое нарушение психической регуляции действий. Есть в психологии, как науке, такое понятие – *абулия*, когда человек все понимает, но не способен принять решение и произвести нужное действие без побуждений.

– Виктор Васильевич, что-то не пойму. Вы ее рекламируете, или меня убеждаете?

– Себя оправдываю! – с напрягом выдохнул Назаровский.

Беседы с психиатром не прошли даром: Быстров стремился к общению с Пендюхиным, в разговорах с людьми не скрывал симпатии к Лене Андреевой, иногда предлагал ей бесплатные газеты. Она, в свою очередь, часто провожала его долгим внимательным взглядом и, ввиду какого-то праздника, заняла небольшую сумму денег. Он трусцой пересекал заснеженный двор Евдокии, которая не вовремя занемогла, и ветер накрутил сказочные холмы. Ноги вязли в сугробах, уже и радости мало, в это время и возникла Лена. Движением руки остановила, улыбнулась, показывая очень даже не зубастый рот. И была в ней детская незащищенность. Иван заглянул в распахнутые глаза, а там ранимая душа. Тоскливо ему стало. Тогда разговорились и с тех пор стали чаще общаться. И Пендюхин проникся к нему вдруг непонятной симпатией.

– Она ничего! – дышал он перегаром в затылок, едва поспевая за почтальоном. – Я и сам бы к ней, да Цапля воли не дает.

Иван успел разглядеть ее хорошо: взгляд сосредоточенный, непоколебимый. У такой лучше на дороге не вставать, но Пендюхину повезло – он, на удивление Назаровского, стал благовоспитанным человеком. Как будто даже поумнел, и боялся он ее донельзя. А Лена Андреева на время ожила и помолодела, при виде Быстрова не сводила с него глаз. Можно высказывать предположения, а наверняка даже Евдокия не могла сказать. Сплетничать она не умела, но внимательно присматривала за молодой женщиной. Похотливые взгляды Пендюхина всегда

замечала, но всерьез не принимала: мало ли что дураку в голову придет. Если Андреева пару раз останавливала почтальона для короткой беседы, то не надо взваливать на нее грехи всего человечества – разумный вывод. Иногда за вечерним чаем Евдокия проговаривалась внучке – не то чтобы сплетничала, а так, вслух размышляла. Не знала, а размышляла.

– Ох, не к добру! Ванька – парень видный, зря он воду мутит. И та, дуреха, не на свой каравай рот разевает.

– Ты, бабушка, о чем? – любопытствовала внучка.

– Так, поди, все на виду, сама знаешь. Тут иная оказия может приключиться. Борька-то под впечатлением ходит. Видела, как смотрит, глазками так и стреляет. А у него своя, пришлая, есть. Вот и думаю, скандал назревает с Быстровым.

– А что, у почтальона нет девушки?

– Откуда взяться, ежели днями на работе, а вокруг соплюхи неразумные. Тебя-то я в счет не беру, да и куда ему до тебя.

– Почему это!? – непонятно чем недовольная, встрепенулась Татьяна, резко отставляя чашку с недопитым чаем. – Чем я отличаюсь от других?

– За такой задницей, как у тебя, и получше парни побегут.

– Ну, прямо! Ни к чему опошляешь. А я видела на выставке в Доме архитекторов... Ну, там местные художники выставлялись. И тема... «Мои современники». Там и видела его картины... или не его. Имя и фамилия совпадают. Придет с почтой – спрошу.

– Чего надумала! Даже не помышляй.

– Почему это?

– Мало ли что ему в голову взбредет.

– Ну, прямо!

Интересно, какие мысли бродили в девичьей головушке. Но разговор закончился, и бабка засобиралась во двор, который заменял ей радио, телевизор, о газетах и говорить не приходится – только глаза натружать. А в головке Татьяны происходил непростой процесс. Во всяком случае она увидела в почтальоне неординарную личность. Вот ведь замаскировался, газетами прикрылся, а на выставке у его картин народ толпится. Ей тоже стало любопытно, протолкалась, да поздно – выставочный зал закрывался на уборку. И эта Лена... что она увидела в Быстрове...

Кто что увидел?

Работа продолжала обрастать новыми знакомствами и свежими впечатлениями. В то же время существует большая масса людей, для которых любой почтальон является всего лишь связующим звеном в таком грандиозном организме как общество – сразу примелькался и перестал существовать. Но есть еще семья Буньковых: он – суховатый и жилистый, с жиденькой бородкой, с проседью в редящих волосах и слегка подпорченным из-за специфической работы лицом, уступчивый при возникающих конфликтах; она – пухленькая крупная дама с углубленным в себя взглядом, гораздо моложе, интереснее, но с характером противоречивым – иногда покладистым, часто вспыльчивым, не управляемым. Можно предположить, из-за контраста друг другу и приглянулись. Дружба с Быстровым завязалась не сразу. Сначала жена прислушивалась к досужим сплетням, присматривалась к необычному почтальону, потом и муж обратил внимание на непривычную оживленность в ее пересказах. И только.

Вадим Буньков посещал различные художественные выставки, будь то макраме или живопись – ему все равно. По настроению и сам занимался скульптурой – лепил из пластилина и глины. Что-то получалось – конечно, на любительском уровне, и он уверовал в свой талант, даже имел смелость критиковать известных в городе художников. Встреча с Быстровым произошла в Доме архитекторов – незадолго до появления там Тараскиной Татьяны, тогда и завязалось знакомство – впрочем, сначала шапочное. Буньков, учитывая его широкую натуру

и надоевшее повседневное однообразие, стремился к интеллектуальному общению, поэтому посещал выставки, участвовал в творческих дискуссиях. Если частое пересказывание Наташкой всех сплетен о почтальоне вызывало раздражение – порой на грани ревности, то неподдельный и практический интерес Быстрова к изобразительному искусству оказался приятной неожиданностью. Ему уже представлялась скоротечность зимних вечеров, проводимых за увлекательной беседой. Наконец-то Наташка уверует в его богатый духовный потенциал, а то: *Сварной*. Или, еще хуже, – *Котик*. И Буньков решил пригласить почтальона к себе, тем более, представился случай. Иван позвонил в дверь с заказным письмом в руке, и повод приятный – сестра звала на свадьбу племянницы.

– По всему видать, употел, – участливо заметил Буньков, смахивая с плеч Быстрова напорошенный снег. – А то зайди, сварганим чаек.

Как ни странно – ведь Буньков не ожидал столь решительного согласия – Быстров не задумываясь шагнул в квартиру. Наталья Сергеевна, казалось, тоже растерялась – молчаливо принимала сговорчивого гостя, слегка приоткрыв припухший рот. А дальше... В общем, она и почтальон ходили в магазинчик за угол их же дома, за вином, потом Вадим Буньков водил Быстрова по квартире, тряс руками и бородакой, рассказывая о жизненных терниях на своем пути к искусству, показывал собственные творения – скульптурные композиции из глины, покрашенные гуашью.

При всем желании поэтизировать свою жизнь, речь Бунькова не производила ожидаемого им впечатления. Да, он все сознательные годы провел на сварочных работах, даже на Калыме побывал, монтируя нефте и газомогастрали, его приглашали на крупнейшие стратегические объекты, под его эгидой выросла плеяда первоклассных сварщиков. Все равно ничего исключительного, все как-то зарабатывают. Но Быстрова заворожила аура маленькой квартирки, он, как истинный художник, искал секрет ее притягательности. Поблекшие обои, обшарпанная старомодная мебель да и заметный беспорядок в единственной комнате вряд ли могли вызвать эстетическое удовольствие, но во всем ощущалась раскованность, скорее всего – как признак душевной открытости. Понятный вывод, характеризующий особенности творчества самого Быстрова. И в довершение ко всему – трехцветная длинношерстная кошка с глазами разного цвета, безмолвно следующая по пятам хозяина.

– Моя лучшая подруга, – пояснил Буньков.

Наталья Сергеевна не принимала участия в специфической беседе, лишь иногда бросала реплики типа: *Вот так всегда. Упрется, как бык рогами – с места не свернешь, а мне что же, одной за столом куковать...* Невольно косила взглядом на мужа, на время успокаивалась, задумчиво подперев лицо пухленьким кулачком. По крупному счету, из-за таких вот мелочей – случайных знакомств, недолгих разговоров, коротких застолий в жизни ничего не меняется, что-то должно связать ряд незначительных событий, объединить их в значимое явление.

Уже дома Иван задумался о нечаянном сближении с Буньковыми. В основном говорил Вадим, а по сути ничего не сказал, хотя... ему нечего говорить – вся жизнь, как один день. Правда, проявил интерес к искусству, но без глубокого понимания творческого процесса – его созидательной силы, иначе бы не остановился на уровне дилетанта. Наталья – та другое дело, молчаливостью прикрывала возрастающий интерес к почтальону. Как известно, чистых помыслов нет причин скрывать. По всем повадкам, для нее всякий мужчина – объект для освоения, и – без лишних увертюр. Редкий экземпляр человеческой породы, законченный в своей мрачной самоуглубленности. Духовный мир семейной пары воспринимался на интуитивном уровне, но зрительный образ ускользал. Быстров напрасно исчеркал с десятков листов, прежде чем поймал выражения их глаз, поразительно схожие, излучающие теплоту. Теплоту? Что-то в них угнетало – пока неосознанно. Поскольку творческие поиски радости не приносили, то он попросту убрал листы подальше с глаз и ушел в текучку повседневных забот.

Иначе происходило с Татьяной. По всей вероятности, повлияло пристальное внимание Быстрова. Она тоже стала наблюдать за ним, изучать его, что всего лишь отражало ее возрастную психологию, распространяющую интересы на весь мир. Сама стыдилась признаться себе, но непременно хотела видеть интимную сторону жизни своеобразного почтальона. Не заклинивалась на себе, как нередко бывает с девушками ее возраста с непреодолимым желанием нравиться. В той или иной степени интерес подпитывала бабушка своими намеками с упоминаниями Лены Андреевой. И с чего такое любопытство... Пришла к успокоительному мнению, что она обеспокоена судьбами окружающих ее людей. И как строятся отношения между мужчинами и женщинами – тоже знать интересно и... полезно. О том, чтобы затеять интрижку с почтальоном, и в мыслях не было, смотрела на мир глазами неискушенной девчонки.

Неискушенная девчонка?

Не плохую услугу с информацией оказывал Костя Андреев. К девятому классу почти все мальчишки вытянулись и как-то сразу повзрослели, тогда он и начал заглядываться на Тараскину. Да и как не смотреть, если девчонка расцвела, раздалась в формах, тут уж у всех парней потекли не только слюни. Многие ребята стали оказывать знаки внимания, некоторые из них занимались мастурбацией, воображая интимную близость именно с ней. Сам Костя проявлял в эмоциях сдержанность, в общении – вежливость. В результате не трудно представить его состояние, когда Татьяна стала относиться к нему с повышенным интересом. Вначале ненавязчиво, позже – проявляя ностальгию по школьным годам, иногда просто сочувствие. Он, в свою очередь, стал негласным ее защитником от мальчишеского хамства.

– На тебе лица нет. Случилось что?

– Не выспался... Ты мамку не видела? Как бы с вечера ушла. В три проснулся, а теперь... К вам не заходила?

– Ну, прямо! А этот... ну, почтальон. Я слышала, они дружат. – Стоит удивляться врожденному женскому коварству. – Ты уж точно должен знать.

– Я!? – опешил Костя. – Пусть только она заявится!

Последнюю фразу произнес внешне равнодушно, но Татьяна понимала, чего стоит показное спокойствие – бабушка просветила, ей-то все известно.

– Ты чего, дерешься с ней? – попыталась расслабить парня.

– Я!? – думая о чем-то другом, повторился Костя и пошел к своему дому.

Не поступив на желаемый факультет университета, она испытывала тоскливое одиночество, сопряженное с неудачей и молчаливым укором бабушки. Любое событие, не связанное с серым бытом, становилось естественным развлечением. Гибель Казакевича явилась потрясением для обитателей двора, без его причуд жизнь заметно потускнела. Пьяные похождения Лены Андреевой явились новой темой для пересудов, порождали самые нелепые слухи – уже не скучно. Отравилась водкой? Но смерть Елены Витальевны – только начало, надо ожидать кое-чего похуже. И Татьяна доверяла своей интуиции, иначе пропал бы смысл обучения юриспруденции – следователя из нее не получится.

Она как в воду глядела, события стремительно развивались, а в центре круговерти находилась она – не то чтобы участница, но несомненно сведущий человек, чувствующий откуда ветер дует. Сами по себе трагические события не могли повлиять на умонастроение девушки, но интрига... Она уже возомнила из себя мисс Марпл, чуть позднее подлил масла в огонь Ленья Мухин. И закрутилось... Зачем, спрашивается, она стремилась опорочить Быстрова в глазах честолюбивого корреспондента? Ну, был момент, когда она застала Лену Андрееву у почтальона в двусмысленной позе; бросила мимолетный взгляд, и ей показалось... Показалось!? Или сработала фантазия. Всюду нелепые случайности, большое воображение, а в результате – трупы. Почему-то смерть Лены виделась от руки Пендюхина, как наиболее логичный вывод. Или необузданное воображение? Нелепым образом погибла Наталья Бунькова – подруга Лены;

была еще соседка по площадке, но та, скорее всего, случайно попала под горячую руку. Простатривалась закономерная цепочка нелепостей. И кровожадность. Возможно, некто предположил также, и в отместку Пендюхин расстался со своей никчемной жизнью. Его гибель не вызвала печали или еще каких-нибудь невеселых размышлений, зато позволяла сделать сенсационное предположение относительно почтальона – его влияния на судьбу Бори Пендюхина. Неважно, так ли происходило на самом деле, достаточно найти подтверждение своей догадке в игровом варианте. Факты, и еще раз факты!

Чтобы отмежеваться от обычного злопыхательства, следует сослаться на крайнее несовершенство человеческой природы. Нет ничего удивительного в фантазиях Татьяны, в ее стремлении подкорректировать события не в пользу Ивана Быстрова – так получается интересней и недоступней для понимания следственных органов. Еще до гибели Пендюхина, а тем более – появления Мухина, она приняла добровольное участие, даже очень активное, в рассмотрении трагических событий, подчиняясь инстинктивному желанию приблизиться к дыханию смерти, в то же время сама оставаясь вне опасности. В первую очередь возникло предположение о вероятной близости Пендюхина с Леной Андреевой. Только подумала, как повстречала его с Цаплей под ручку. Нетрудно допустить классическую схему, когда Лена оказывается помехой в новом увлечении Бориса.

Татьяна и раньше интересовалась личностью Пендюхина, пока не почувствовала угрозу своей безопасности. Как это произошло? Ох, не случайно Виктор Васильевич отмечал особый взгляд Пендюхина, рассказом о гибели собаки предупреждая Быстрова о непредсказуемом поведении слабоумного монстра. При своем зверином чутье Пендюхин быстро почувствовал на себе пристальное внимание Татьяны. Если бы она еще знала, чем ей может обойтись самонадеянность. Юная непосредственность сама лезла в пасть крокодила.

– Танька, чем занимаешься? – так предварил развитие отношений Пендюхин.

– Тебе-то что!?! – не менее панибратски отреагировала она, мгновенно входя в роль представительницы несокрушимой команды Петьки Рябова.

Она и день запомнила: как раз первый снег прошел. Осень припозднилась, деревья не торопились сбрасывать пестрый наряд, а за ночь вдруг все припорошило, и к утру мороз сковал не высохшие лужи. Выбежал из подъезда Борис, осмотрелся в поисках проторенной дорожки, а Татьяна мимо проходит – в библиотеку направилась.

– Как что! Вижу, с книгами бегаешь. Думаешь умней всех стать, а по мне хитрей Цапли нет.

– Куда уж нам! – усмехнулась Татьяна.

– А ты не зыркай так! – обозлился Борис. – Она тоже зыркала, схватила бутылку и убежала. Где теперь искать!?

– Понимаю. Ведь это какое горе! Иди к психиатру, пусть подлечит.

– Ты все смеешься, а у меня вона – рога растут.

– И давно?

Серьезность Пендюхина смешила и завораживала. Руки он не знал, куда деть, поэтому протянул к Татьяне, ухватился за локоток.

– С прошлой недели – сразу после концерта. Вот если бы... Ты не зыркай, я – так.

– Боря, иди к Назаровскому, – уже без улыбки произнесла она, осторожно освобождая локоть от прокуренных пальцев с грязными нестриженными ногтями.

Уже позже девушка частенько перехватывала на себе шабутной нечистоплотный взгляд Пендюхина. И невольно в душу стал закрадываться животный страх. Жить стало беспокойно, впору самой обратиться к психиатру, что она и сделала повстречавшись с Виктором Васильевичем.

– Эх, девочка... – с участием прошептал себе под нос Назаровский. Да кабы все выглядело простенько. А ты, гляди, осторожно с ним.

– И все!?

Он пожал плечами и усталой походкой отправился к своему подъезду. Девушка тоже, было, повернулась в свою сторону, но дыхнуло в затылок вчерашним вином, сильная рука вцепилась в локоть.

– Ты не зыркай на него, – скороговоркой бормотнул Пендюхин. – Ничем не поможет.

– Это как понимать? – испуганно отстранилась она, сдерживая внезапно подступившую тошноту.

– Был я у него, как ты говорила. Отшил меня паразит.

Надо бы последовать совету Назаровского и не приближаться к опасному типу, но девушка вжилась в придуманную для себя роль перспективной интриганки и, возможно, современной мисс Марпл. Чудилось ей, именно с подачи Пендюхина умерла Лена Андреева, надо вывести его на чистую воду. И началось...

Она не стала привлекать Костю в качестве союзника в щепетильном вопросе, на что были веские основания, да и свои подозрения не имели доказательной базы. Но внезапная гибель Пендюхина спутала все планы. Бабка в этот день пришла в расстройстве: Борис-то свалился с балкона в точь под ее ноги. Свидетелей не оказалось, вот и запереживала бабуля, чего бы люди не подумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.